

Марина Алиева

Орелинская сага

КНИГА ТРЕТЬЯ



МАРС.

Марина Алиева

Орелинская сага. Книга третья

«Издательские решения»

Алиева М.

Орелинская сага. Книга третья / М. Алиева — «Издательские решения»,

Случайно брошенное проклятие свяжет воедино столетнюю историю людей бескрылых с историей крылатых людей, потерявших однажды всех своих правителей. Поиски этих последних приведут на землю крылатого юношу, который во множестве приключений разыщет семерых столетних старцев, но вместе с тем обретёт и самого себя и найдёт ответы на многие вопросы, заданные ему Судьбой. Что даёт человеку владение крыльями? Величие, преимущество, одинокую жизнь изгоя или счастливую возможность обрести Знание?

© Алиева М.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Орелинская сага
Книга третья
Марина Алиева

© Марина Алиева, 2015

Редактор Наталья Урсалова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Вулкан, почти погубивший Верхний Город, удалось успокоить лишь через три дня.

Перепуганные орели, совершившие двойной перелет до Гнездовища и обратно, забыли про всякую усталость, едва увидели последствия взрыва. От прекрасных гнездовин с ажурными арками, тонкими колоннами и множеством великолепных внутренних помещений остались только руины и воспоминания. Но хуже всего пришлось древнему дворцу, построенному еще Сагдифом, а он, как известно, приходился внуком или правнуком родоначальнику всей династии Иглонов. С той поры ни один вулкан на Сверкающей Вершине ни разу не гневался столь сильно.

Все случилось как-то очень быстро и неожиданно.

Еще вечером, накануне того дня, когда стало известно о бегстве Тористина с товарищами, и Великий Иглон призвал свой народ лететь спасать Гнездовище, в Верхнем Городе царил абсолютный покой. Почти все его жители, кроме младенцев, их матерей, да немощных стариков, улетели на Большой Сбор в Главнейший Город. И две смены рофинов, оставшиеся следить за вулканом, заботились только последние страшные события, о которых уже было известно от гонцов Великого Иглона. Из-за этого утром, когда прибыли те, кто менял ночную смену, добросовестные стражи долго не могли разойтись, горячо споря, стоит ли считать жителей Гнездовища убийцами, или все же имела место роковая случайность?

Тогда-то и услышали они глухой рокот, зарождающийся в недрах вулкана.

Поначалу он не показался страшным – такое уже случалось время от времени. Но рокот нарастал с каждой минутой, окрестности стали содрогаться, и вся немногочисленная стража дворца выбежала на террасу, растерянно поднимая глаза на дымящееся жерло.

Так и не успевший смениться, старший орелин ночной смены быстро сообразил, что надвигается нешуточная катастрофа и принял командование на себя. Он немедленно отправил ореля из числа дворцовых стражников в Главнейший город за подмогой, другому велел оповестить местных жителей, а остальными усилил свой немногочисленный отряд, состоящий всего из двух смен, по десять орелей в каждой.

Вскоре к ним присоединились и старики, которые оставались в городе. Они едва держались на своих крыльях, но все же были полны решимости утихомирить распалющийся вулкан. Вслед за ними прилетели орелины, оставшиеся дома из-за маленьких детей. Как только стены их гнездовин стали содрогаться от подгорных толчков, перепуганные матери похватили своих малышей и унесли подальше от города на изрядно обветшавшую безопасную площадку, обустроенную в незапамятные времена. Там орелины выбрали из своих рядов трех самых опытных, оставили детей на их попечение, а сами понеслись обратно в город, к вулкану. Общими усилиями, момент взрыва удалось немного отсрочить, но орелей все равно было слишком мало. Все они понимали, что вулкан им ни за что не покорится. Дым делался все гуще, а воздух горячее. Дыхание затруднялось, сил оставалось меньше и меньше. А, когда из жерла полетел липкий пепел, засыпая окрестности и оседая на крыльях, старший орелин ночной смены велел старикам и женщинам немедленно улетать.

Никто его, конечно, не послушался, но спустя совсем немного времени, стало ясно, что улететь придется всем. Залепленные пеплом крылья еле двигались, раскаленный воздух жег легкие, да и из жерла уже полетели в орелей первые огненные плевки.

Пришлось отступить.

Со слезами на глазах смотрели несчастные жители Верхнего Города на багровые дымящиеся языки лавы, с медлительной жестокостью слизывающие со склонов их общий дом. Старший рофин, бесясь от собственного бессилия и чувства невыполненного долга, едва отчистив крылья Серебряной Водой, несколько раз порывался лететь обратно. Его с трудом удерживали,

успокаивали, а потом, с угасающей надеждой смотрели на восток, где находился Главнейший Город, недоумевая, почему помощи до сих пор нет?!

Уже и дворец, и площадь перед ним, включая окружающие её гнездовины, обратились в ничто, а растекающаяся лава неумолимо наползала на нижние ярусы города, когда над восточными склонами появилась стремительно летящая к месту катастрофы стая орелей.

Подобно гигантской туче, она быстро приближалась, по ходу разбиваясь на две части. Одна немедленно образовала огромное кольцо, замкнувшееся на максимально допустимом расстоянии от вулкана. Другая же присоединилась к горстке героически сражавшихся, но отступивших местных жителей, и занялась необходимыми приготовлениями.

Первым делом нужно было спасти запасы Серебряной Воды. По счастью, чаша с нею находилась на площади среднего яруса, куда лава еще не добралась, а от пепла её защищала каменная крышка. Согласно правилам, рофины опустили её сразу же, как только стало ясно, что извержение неминуемо. Поэтому вернувшиеся местные жители быстро разлетелись по уцелевшим гнездовинам, где собрали все пригодные сосуды и стали переносить Серебряную Воду на безопасную площадку. Для удобства, в большой каменной крышке, в самом её центре, находилась еще одна, поменьше. Орелям нужно было быстро открывать её, наполнять сосуд и тут же закрывать снова, чтобы пепел не успел попасть внутрь. Это, конечно, несколько замедляло процесс, но еще до того, как упрямо ползущая вниз лава достигла этого яруса, непрерывно снующая туда-сюда цепочка орелей успела перетаскать на безопасную площадку почти все запасы Воды.

Скоро туда стали подлетать первые пострадавшие – кто с ожогами, кто задыхаясь и кашляя, и все с крыльями, покрытыми пеплом. Пока ольты подлечивали их и чистили им перья, другие орели спешили занять место выбывших, и шум от непрерывно хлопающих крыльев был сравним с шумом самого сокрушительного ливня, усиленного стократно.

Наконец, текущую на нижние ярусы лаву удалось остановить, но сам вулкан никак не желал успокаиваться, грозя новыми извержениями. Словно рассерженный зверь ворочался у него внутри, гневно раскачивая стены. Из-за этого на нижнем ярусе произошло несколько глубоких дымящихся разломов, уничтоживших часть гнездовин. Попадали все стелы с изображениями городской жизни, но это стало лишь крошечной каплей огорчений в единой бездонной чаше горя.

Ужас перед катастрофой еще более усиливался страхом за жизнь Великого Иглона.

Улетая из Гнездовища, орели оставили его почти умирающим от ран, нанесенных Тористином, и теперь гадали – не связан ли взрыв самого большого вулкана с этим страшным событием? За все время существования народа, орель впервые поднял руку на ореля, да еще и вооруженную...

Однако, на рассвете следующего дня десять ольтов принесли на носилках, сплетенных в Гнездовище, ослабевшего, но живого Великого Иглона. Из поселения его забрали в полном беспамятстве и сначала доставили в покои дворца Восточного Города, но там, едва придя в себя, Донахтир потребовал немедленно отнести его к месту катастрофы. Никакие уговоры Правителя не убедили, поэтому ольты, скрепя сердце, снова положили упряма на носилки и полетели в Верхний Город.

Размеры бедствия потрясли Великого Иглона. Как ни готовил он себя достойно выдержать удар, все равно действительность превзошла самые худшие предположения. Не сдержавшись, Донахтир даже попытался взлететь с носилок, но добился только одного – снова потерял сознание.

Переполошившиеся ольты хотели немедленно возвращаться, но им не дали братья Правителя, сославшись на его приказ ни в коем случае не уносить обратно.

Ольты, конечно же, подчинились, хотя и ворчали очень долго, приводя Донахтира в чувство на безопасном расстоянии от вулкана.

Великого Иглона пришлось положить прямо на голые камни той самой площадки, где сидели перепуганные малыши Верхнего Города. Те, кто хоть что-то понимал, во все глаза смотрели на Правителя, которого ольты никак не могли вернуть к жизни. Жалея Иглона, орелины, которые опекали детей, собрали свои накидки и накидки, отданные детьми постарше, и принесли их, чтобы Донахтиру было мягче лежать. Но Фартультих, подлетевший справиться о состоянии брата, рассердился, приказав все вернуть.

– Великий Иглон Сверкающей Вершины, даже умирая, никогда не позволит себе нежиться на том, что необходимо женщинам и детям. А мой брат не умирает! – гордо заявил он.

Но, улетаая, снял с себя верхнюю одежду со знаками отличия Иглона Нижнего Города, свернул её и бережно подсунул Донахтиру под голову.

Еще сутки измученные орели Шести Городов боролись с разъяренным вулканом.

Перепаханные пеплом Иглоны, не зная отдыха, следили за каждым участком сражения, равномерно распределяли силы в кольце своих подданных, окруживших вулкан, и отдавали команды сужать это кольцо по мере того, как остывающий воздух позволял приблизиться.

Но совсем на лад дело пошло только после того, как орели увидели Верховного Правителя, парящего рядом с уставшими братьями. Возле него сновали бдительные ольты, которые, кажется, уже были не рады, что привели его в чувство. Правитель и думать не хотел о своих ранах, и о том, что моральные и физические перегрузки запросто могут привести еще к одному обмороку, и случиться это может прямо над вулканом. Несчастье словно вдохнуло в Донахтира новые жизненные силы. Он только морщился от боли, когда, отдавая распоряжения, забывался и взмахивал больной рукой, пугая ольтов. Но даже они вынуждены были признать, что с появлением в первых рядах сражающихся Великого Иглона, вулкан начал заметно успокаиваться, а орели удвоили свои усилия. То ли их вдохновил вид Правителя, не совсем, правда, бодрый, но и совсем не умирающий; то ли, действительно, качнувшаяся в сторону жизни чаша весов незавершенного злодейства, заставила и вулкан сменить гнев на милость.

Как бы там ни было, но к исходу третьего дня последняя, изнемогающая от усталости смена орелей разомкнула, наконец, кольцо, и под затухающий в недрах горы рокот, жители Сверкающей Вершины смогли осмотреть, что осталось от их города.

Пригодных для жилья гнездовин совсем не было. Дворец Иглона и весь верхний ярус погребла под собой остывающая лава. Нижний ярус и соседние склоны, помимо разрушений, вызванных сотрясениями изнутри, были плотно засыпан каменеющим пеплом. И только на самых окраинах еще оставались жалкие остатки бывшего великолепия.

Но горестные стенания над руинами раздавались недолго.

Огромное количество орелинских семей осталось без крова и нуждалось в немедленном расселении. Поэтому, не растрачивая время на бесполезные горевания, большая часть орелей из других городов разлетелась по домам вместе с теми, кого они готовы были приютить в своих семьях.

На пепелище задержались только старейшины ремесленников вместе с Иглонами, да Донахтир, без конца отбивающийся от ольтов, которые требовали его немедленного возвращения в Главнейший Город. Бережно поддерживая раненную руку, Великий Иглон повсюду следовал за старейшинами и внимательно слушал, что они говорили.

А говорили они вещи малоутешительные. Город подвергся таким ужасным разрушениям, что для его восстановления требовались годы...

– Но восстановить все-таки можно? – с надеждой спросил Великий Иглон.

Старейшины пожали плечами.

– Нет ничего невозможного, – сказали они. – То, что было сделано руками всегда можно повторить.

– Отлично, – выдохнул Донахтир.

И вдруг побледнел, зашатался, беспомощно захлопал крыльями и стал падать туда, где прежде был балкон, или внешняя терраса какой-то гнездовины, а теперь дышала зловещими багровыми переливами покрывающаяся черной окалиной лава.

К счастью, ольты не дремали. Они успели подхватить своего Правителя, и после этого вопрос о дальнейшем пребывании Великого Иглона возле строптивного вулкана был, наконец, решен в пользу врачей. С видимым облегчением уложили они своего пациента на носилки и без лишних разговоров унесли в сторону Главнейшего Города.

* * *

В то же самое время, далеко внизу, в разоренном Гнездовище, Старик и Тористин устало сидели на скамье Рофаны, предаваясь самым грустным мыслям. Они только что вернулись после целого дня бесплодных поисков и теперь переводили дух, горюя каждый о своем.

Жители поселения, как сквозь землю канули.

Старик не знал, что и думать. Три дня, показавшиеся бесконечно долгими, летал он в сопровождении опального ореля, пытаясь отыскать хотя бы след своих сородичей, но тщетно! Тропинка, по которой жители Гнездовища ушли ночью того страшного дня, когда по нелепой случайности погиб Лоренхольд, вела вниз, почти в самую Долину. На ней было множество мест, опасных для тех, кто не умеет летать, но вполне преодолимых. Старик помнил, что все хорошо проверил до самого пологого склона, поросшего незнакомыми деревьями и травой. Если бы по пути к нему случилась какая-нибудь трагедия, они бы с Тористином обязательно увидели. Но никаких следов не было вообще!

Старик ничего не понимал.

Раз за разом, исследуя тропу, они залезли в каждую щель, за которой угадывалась пещера, где уставшие путники могли устроить привал. Одну пещеру найти удалось, однако надежды на то, что жители Гнездовища в ней побывали, улетучились прямо на пороге. Пещера была слишком мала, чтобы вместить целое поселение. К тому же, она оказалась на удивление чиста, как будто её вывели. А устроить привал и не оставить следов орели, да еще в таком количестве, никак не могли.

Тористин огорчился не меньше Старика. Он изо всех сил старался загладить свою вину так, что на второй день даже согласился слетать прямо в Долину, чего ни один орель со Сверкающей Вершины не мог себе позволить. Кроме, разве что, Генульфа, но и он, к тому времени, когда спускался в Долину, уже был лишен права называться орелем со Сверкающей Вершины...

В Долине Старика с Тористином тоже ждало разочарование. Потратив на перелет больше половины дня, они опустились на небольшое плато, с которого хорошенько осмотрелись.

Глупо, конечно, было надеяться на то, чтобы увидеть здесь жителей Гнездовища. Но Старик хотел проверить весь путь до конца, прежде чем совсем отказываться от поисков.

Печально стояли два ореля, овеваемые ветром, над широко раскинувшейся Долиной. Где-то рядом журчал крошечный ручеек, стрекотали кузнечики, и какие-то растения источали дивный аромат.

Тористин впервые увидел землю.

Здесь все оказалось не так, как он привык – прекрасно и, одновременно с тем, пугающе. Мягкий мох, совсем непохожий на твердые надежные скалы, слегка пружинил под ногами, так что, сделав пару неуверенных шагов, орель едва не вывернул лодыжку. Вода в ручейке привлекла, было, его внимание, но дотронуться до неё, а тем более попить, как это сделал Старик, Тористин не решился. И воздух! Тому, кто с рождения привык дышать чистым горным воздухом, запахи земного лета показались удушающими. Нет, все же прав закон орелей со Свер-

кающей Вершины – Летающим не место на земле! И Тористин, когда вернется, ни словом не обмолвится о том, где был и что видел. Земля ему совсем не понравилась.

Зато Старик чувствовал себя вполне уверенно.

Глубоко вдыхая в себя ароматы трав и цветов, он остановившимся взглядом смотрел на Долину. И такая тоска была в этом взгляде, что Тористину невольно захотелось его чем-то утешить.

– Может твои сородичи за ночь успели спуститься до склона? – предположил он, потирая подбородок. – К полудню дошли сюда, а вечером, или ночью уже были во-он там...

Он показал рукой через Долину туда, где, подобно миражу, таинственно переливался в солнечном мареве густой лес.

Старик укоризненно посмотрел на ореля.

– Тористин, о чем ты говоришь? Мы с тобой и то добирались до этого места пол дня...

– Это потому, что без конца спускались и осматривали каждый камень. А вот, если бы летели без задержек...

– Летели? – Старик невесело усмехнулся. – Юноша, наверное, ты забыл – мои сородичи не умеют летать. За ту ночь они, в лучшем случае, могли пройти лишь половину горной тропы, которую мы осматривали вчера. А, чтобы добраться до места, на которое ты указал, понадобилось бы дней десять пути, да и то, если почти не отдыхать.

Тористин удивленно округлил глаза.

– Так долго?!

Он с сочувствием осмотрел Долину. Подобная медлительность нелетающих не укладывалась в голове ореля.

– Я и представить не мог, что без крыльев жить так сложно! Когда мы гостили в Гнездовище, то особенно над этим не задумывались – там не было особой нужды летать. А, если она и возникла, то только для нас, Летающих, когда приходила пора возвращаться домой. И мы всегда знали, что достаточно взмахнуть крыльями... Но жить вечно прикованным к земле, как какой-нибудь гард или нохр!. Наверное, это ужасно!

Старик не отвечал.

Он снова вернулся мыслями в Долину, которую не видел уже много лет.

Далекie годы счастливой юности встали перед его глазами, оживленные запахами цветов, прогретой солнцем земли; и забытые разговоры прошлого зазвучали в шуме ветра, резвящегося среди деревьев.

Мать, отец, братья и сестры... Какими живыми и молодыми вспомнились они вдруг! Как много жило в их сердцах надежд на будущее, такое же счастливое, как их тогдашнее настоящее!. Куда все ушло? И почему прежде, вспоминая своих близких, Старик видел только их последние дни? Словно заботы о судьбе Гнездовища непроницаемым пологом закрыли все счастливые воспоминания! А ведь их было так много, что хватило бы скрасить еще одну столетнюю жизнь...

Старик вспоминал и кочевников. Как весело они смеялись возле своих костров, когда каждая трапеза превращалась в пир. Разве страдали они оттого, что не знали радости свободного полета? Ничуть! Лишенные крыльев, эти люди наверняка знали что-то такое, что делало их свободными, несмотря на земные оковы. И, может быть, это «что-то» они добывали именно во время своих медлительных переходов с места на место, наблюдая и размышляя о жизни во время пути.

А его жена? Незабвенная Сакола. Она была обделена столь многим, что должна была бы, кажется, заболеть высокомерием ущербных и уйти в свой собственный мирок, став для всех остальных живым укором в незаслуженном счастье. Но Фостин, (ах, как давно не вспоминал Старик своего имени), никогда не ощущал в ней отчужденности. Вместо обид на Судьбу, не давшую ей детей, Сакола жила каким-то внутренним счастьем, и где она брала силы на него,

навсегда осталось загадкой. А уж ему, Фостину, это внутреннее счастье жены давало словно бы вторую жизнь, которая угасла, когда Саколы не стало...

– Нет, Тористин, – вздохнул Старик. – Когда тело без крыльев – это не страшно. Хуже, когда без крыльев душа. Тогда любой путь долог и уныл, летишь ли ты, или идешь по земле; уходишь, или возвращаешься – все кажется бесцветным, как в дождливый день. Однажды я пережил подобное состояние и знаю, когда душа складывает крылья, они складываются и за спиной.

Тористин невольно повел плечами. Он снова подумал о таинственной личности Старика, перед которым склонялись даже Иглоны. Кто же он такой, и, что за жизнь прожил?

В прошедшие три дня все разговоры между ним и Стариком сводились только к трем темам: куда могли исчезнуть жители Гнездовища, каким образом лучше восстановить разрушенные Тористином гнездовины, и, что же все-таки произошло в Верхнем Городе?

О том, что вулкан действительно взорвался, Тористин и слушать не хотел! Он горячо убеждал Старика в полной безопасности Сверкающей Вершины и в абсолютном умении Летящих орелей успокаивать любой вулкан, едва он начинал ворчать. Но, оставшись один в ночной тишине, Тористин начинал беспокойно ворочаться, кусая губы. Как и остальным жителям Сверкающей Вершины ему тоже упрямо лезла в голову мысль, что именно он стал причиной катастрофы в Верхнем Городе. Рассматривая свою руку, схватившую в тот злополучный день земное оружие, бывший страж Нижнего Города недоумевал, как такое могло произойти? Он пытался вызвать в себе те чувства, которые им тогда владели – вспоминал убитого Лоренхольда и высохшее в пещерке тело Тихтольна – но ничего не получалось. Гнев ушел, вытесненный чувством вины, и теперь, как бы Тористин ни старался, он не мог понять самого себя. Поэтому, ворочаясь по ночам, прикованный к Гнездовищу долгом и приказанием Великого Иглона, он тешил надеждой, что там, наверху, все обошлось – катастрофу удалось предотвратить, Правитель жив, Верхний Город цел, а сам он когда-нибудь будет прощен и посвятит остаток жизни искуплению своих проступков. Потому и летал Тористин со Стариком на поиски ушедших поселян, потому и обшаривал старательно каждую щель в горах, боясь пропустить даже крошечный след. А, вернувшись, кидался собирать камни, чтобы в одиночку восстановить пока хотя бы одну гнездовину.

За всеми этими заботами он и думать забыл о странном поведении Иглонов по отношению к Старика. Но сейчас, когда этот таинственный старец сам вскользь упомянул о какой-то беде в своей прошлой жизни, Тористин снова задумался, кто же он такой, этот Летящий житель Гнездовища? Интуитивно чувствуя, что момент сейчас самый подходящий, он задал вопрос, который три дня тому назад остался без ответа:

– Кто же ты такой, Старик?

И замер в ожидании.

Но тишина, повисшая после его слов, длилась так долго, что Тористин совсем смутился. «Видимо, эту тайну мне никогда не узнать», – подумал он.

И ошибся.

Фостин, которого пробудили запахи Долины и ожившие воспоминания, вдруг тоже перестал понимать сам себя. С одной стороны, Старик в нем все еще сопротивлялся по привычке, но голос здравого смысла уже набирал силу. Какая нужда заставляет его хранить древнюю историю в тайне по сей день? Он все равно не смог предотвратить беды – Гнездовище исчезло. А этот Летящий и так скоро все узнает. Так, почему бы не теперь?. Очевидно, что бесполезные поиски придется прекратить, и сегодня вечером, в пустом поселении, которое покинула даже надежда, что им останется делать?

«Расскажу ему все, – решил Старик. – Пускай тени прошлого оживут в Гнездовище хотя бы на сегодня. А там видно будет...» И, повернувшись к Тористину, он впервые за последние дни, позволил себе улыбнуться без горечи.

– Летим обратно, юноша. Это очень длинная история.

* * *

Донахтир парил над Сверкающей Вершиной и любовался тем, что представало его глазам. Все Шесть Городов расположились рядом, окружив Сверкающую Вершину блистательным кольцом, и счастливые орели порхали туда-сюда, подобно членам большой дружной семьи, живущей на одном склоне. «Как хорошо! – восторгался Донахтир. – Как замечательно, что все они вместе, и все в безопасности! Отец придумал отлично! Теперь он никогда больше не уйдет в Галерею Памяти к тому страшному призраку из тайного тоннеля; я никогда не стану Великим Иглоном, и никто не полетит в Гнездовище, чтобы узнать правду о наследниках Дормата!»

Донахтир в блаженном парении повернулся к солнцу.

Огненный шар ослепил его, и Великий Иглоном проснулся.

За окном действительно сиял яркий день. Вот только, вместо благостного сна, сразу же навалился недавний кошмар, от которого померкло в глазах. Ах, как бы хотелось Донахтиру, чтобы сном, пусть и ужасным, оказались и смерть Лоренхольда, и нападение Тористина, и взрыв вулкана, погубившего Верхний Город...

Великий Иглоном прикрыл глаза здоровой рукой и болезненно сморщился.

Нет, раны не болели. Их хорошо подлечили, да и несколько часов глубокого сна сделали свое дело. Но боль, ушедшая из одного места, переместилась в другое, и теперь терзала душу Правителя гораздо сильнее, чем прежде терзала его руку.

Что-то не складывалось.

С первого дня своего правления Донахтир был вынужден делать выбор между двумя решениями, каждое из которых могло считаться неправильным. И не было рядом никого, кто мог бы уверенно сказать, где Правитель совершил свою первую ошибку.

Может, не стоило ТОГДА лететь в Гнездовище?.

Донахтир в сотый раз задавал себе этот вопрос, и в сотый раз сам себе отвечал, что, не полети они тогда, это ничего бы не изменило.

То, что сейчас необходимо было распутать, завязалось в узел давным-давно, и не по его, Донахтира, вине. Рано или поздно какой-нибудь другой Тихтольн обнаружил бы Гнездовище, и цепь иных, может быть, не таких трагических, (хотя, возможно, и еще более худших), событий все равно привела бы орелей к тому, что они сейчас имеют. Просто пришло, видимо, время запутанным узлам развязаться – Гнездовище исчезло, Старик уверен, что его братья вот-вот явятся – и выпало это время именно на период правления Донахтира.

От подобных мыслей сердце в груди Великого Иглона заняло еще сильнее.

Почему все должно завершиться такой ужасной ценой?!

Он бы смирился с какими-то личными потерями и невзгодами, но столько глупых и нелепых смертей, раздоров и разрушений... Зачем?! Ради чего?! Какой прок от того, что древнейший и прекраснейший дворец стал вместилищем лавы и, словно врос в вулкан? А ведь он был построен первым, для самых первых Иглонов, и именно там Сагдиф принял решение о начале строительства Шести Городов! С балкона этого дворца отец Дормата, Хеоморна и Генульфа порадовал орелей вестью о появлении наследников...

Внезапно Правителя прошиб холодный пот! Он вспомнил зловещий оскал призрака в Галерее Памяти, и содрогнулся. А, что если гибель самого первого орелинского города, да еще накануне прихода подлинных наследников династии Иглонов, была предупреждением всему крылатому народу? Ведь главная ветвь династии угаснет. Столетние старцы, которые должны явиться, наследников не оставят. В лучшем случае, все, что они смогут сделать – это перераспределить власть перед тем, как завершить свой жизненный полет. Но спасет ли это положение? Нет, не спасет! Когда-то порядок наследования уже был изменен. И, как ни стара-

лись Иглоны новой династии, они не смогли предотвратить того, что к власти, в конце концов, пришел он, Донахтир, который нарушил все, что только можно было нарушить!.

Правитель поднялся с ложа.

За окном убегали вниз башенки и каменные крыши Восточного города. На площади перед дворцом, прямо напротив покоев Великого Иглона, на высокой гладкой стеле, посверкивал вкраплениями застывшей Серебряной Воды выбитый символ города – полукружье восходящего солнца. А сверху, закрепленный только на год, возвышался символ власти Великих Иглонов – большая шестилучевая звезда с лунным диском посередине.

Когда-то Донахтиру казалось, что все эти знаки символизируют вечность. Неизменное солнце – вечность городов, а постоянно обновляющаяся луна – непрерывность власти Иглонов. Но город, символом которого был полный солнечный диск в зените, погиб. И теперь Великий Иглон видел в этой гибели зловещее предзнаменование того, что прежней жизни орелей пришел конец. Будет ли этот конец окончательным, или наступит какая-то другая эпоха, Донахтир не знал, но на хорошее не надеялся.

Правители, пришедшие с земли, неизбежно привнесут свои порядки. Какими бы мудрыми и добрыми ни были новые Иглоны, они все равно будут пришельцами. Их воспитание и привычки, любовь и знания – все происходит из земной жизни. Кто может поручиться, что, придя на Сверкающую Вершину, потомки Дормата согласятся все это забыть, и примут жизнь орелей такой, какая она есть, не попытавшись подогнать её под свою прежнюю, привычную? Его отец, Рондихт, год назад предупреждал о подобной опасности, но даже он не представлял всех последствий. А Донахтир уже представляет! Разочарование в Верховной власти может привести орелей к неподчинению, распрям и, в конце концов, к бездумному злодейству!.

Правитель даже зажмурился, представив себе уже не горстку бунтарей, дерущихся со стражниками на пустынной улице Гнездовища, а целые толпы вчерашних друзей и соседей, рычащих от ненависти друг к другу. И, следом за этим, взрывающиеся один за другим вулканы, и потоки лавы, заливающие орелинские города.

В том, что именно зло и ненависть вызывают гнев гор, приютивших их народ, Донахтир не сомневался.

Еще в Галерее Памяти, изучая мудрость Иглонов, молодой Правитель узнал о прямой взаимосвязи крылатого народа и Сверкающей Вершины. Верховная Гора, властвующая надо всем хребтом, кормит их и предоставляет склоны под жильё. Пока орели уважительны, аккуратны и чисты помыслами, вокруг царят лад и покой. Но стоит равновесию нарушиться – беды не миновать! Смогут ли понять это те, кто придет с земли? Донахтир не знал ответа на этот вопрос, как не знал и тех законов, по которым живут внизу...

Великий Иглон тяжело вздохнул и отошел от окна.

Сегодня вечером должны прилететь старейшины леппов с подробным отчетом. Они разыскали где-то за Южным Городом, на самой границе Орелинских гор, небольшой вулканчик, взорвавшийся не так давно, но уже остывший. Донахтир прекрасно помнил это событие. Тогда несильные подгорные толчки изрядно напугали жителей Нижнего, Южного и Западного Городов, которые, объединив усилия, полетели успокаивать разбушевавшегося малыша, и справились с ним за считанные часы. Ах, если бы все и дальше было так же просто! Сверкающая Вершина тогда, словно извиняясь за внезапный взрыв своего отпрыска, равномерно источала Серебряную Воду в течение всего года, тогда как прежде, в период похолодания, поток её слегка уменьшался.

И вот теперь, с помощью этого вулканчика, леппы решили испробовать, что можно сделать на склонах, залитых лавой. И к тому моменту, когда руины Верхнего Города полностью остынут и закаменеют, будет уже ясно, в какой мере его удастся восстановить.

Больная рука снова заныла, и Донахтир досадливо поморщился. Впереди столько неотложных дел, а он шагу без ольтов ступить не может! И ведь дела, которые требовали его уча-

ствия, касались не только Сверкающей Вершины. Теперь под ответственность Великого Иглона попадало и Гнездовище, где ждал своей участи опальный Тористин, и где оставался Старик...

Поселение нужно было восстановить.

Даже если его жители вернулись и начали отстраиваться самостоятельно, для Великого Иглона было делом чести помочь им.

К счастью разрушения там не шли ни в какое сравнение с разрухой Верхнего Города, и присутствия умелых леппов не требовали. Пожалуй, достаточно будет отправить к Тористину его товарищей, виновных в погроме. Пусть отбудут наказание, исправляя свои же действия.

Донахтир потер лоб рукой.

Теперь Старик. Что делать с ним?

Уместнее всего было бы пригласить его сюда, но что-то подсказывало Правителю, что старец не согласится. Он придет только вместе с братьями, и почему-то считает, что дожидаться их должен именно в Гнездовище...

Интересно, вернул он своих сородичей?

Наверное, нет.

Донахтир устыдился того, с каким бесчувствием сделал это предположение. Раз жители Гнездовища не нашлись, значит, они погибли, и давнее предсказание исполнилось – поселения больше нет. Но все в Донахтире почему-то восставало против этого. Не то, чтобы он не хотел прихода детей Дормата, но желание хоть немного обмануть жестокую Судьбу, заставляло его надеяться, что все выжили, и прежняя жизнь может вернуться, хотя бы в Гнездовище.

Поэтому восстановление разрушенного поселения Нижних орелей Великий Иглон определил первоочередной задачей, затем, чтобы потом, не отвлекаясь больше ни на что, всего себя отдать только заботам о собственном народе.

Он решительно подошел к выходу из своих покоев и отдернул закрывающий его полог. Серебристая ткань сдвинулась почти бесшумно, но задремавший дежурный ольт немедленно подскочил на ноги и с готовностью распахнул крылья.

– Нет, нет, со мной все в порядке, – успокоил его Великий Иглон, – но необходимо немедленно позвать сюда моего дядю Ольфана, Иглона Твовальда и Иглона Форфана. Мне нужно с ними побеседовать о неотложных делах.

Последнюю фразу Донахтир произнес, как можно мягче, заметив побледневшее лицо ольта. Старейшина лекарей строго-настрого повелел ему следить за тем, чтобы Правитель, хотя бы один день, не занимался никакими делами. «Но это же смешно, – подумал Донахтир. – В той ситуации, которая сложилась на Сверкающей Вершине, Великий Иглон не имеет никакого права на бездействие. И старейшина ольтов должен это понимать и не обрекать своих людей на бесцельное сидение возле того, кто почти здоров! Вот вернется этот ольт – отправлю его помогать тем, кто пострадал при извержении».

Правитель сердито уселся на ложе и обнял здоровой рукой больную.

Все эти дни ему некогда было вспоминать о том страшном моменте, когда Твовальд обрушил на него руку с земным оружием. Но сейчас, в тишине и покое, в голову Донахтира, против воли, полезли обрывочные воспоминания о странной, никогда не испытанной боли – холодной в первый момент удара, но затем с пугающей быстротой наливающейся жжением, как будто солнце упало в рану.

Донахтира передернуло. Зачем он это вспоминает? К счастью, из орелей никто и никогда не причинит другому такой боли! Если только...

Он похолодел от новой мысли, пришедшей в голову.

Что, если на земле это обычная практика, и там, внизу, бескрылые создают своё оружие не ради украшения жилья, (какой прок в таком опасном украшении?), а для того, чтобы причинять друг другу вот такую же боль, или вообще убивать?! И не принесут ли новые Правители эти ужасные обычаи Орелям?

Великий Иглон снова вскочил и зашагал по комнате.

До сих пор он ясно представлял, что будет делать, когда придут дети Дормата – передаст власть и станет простым орелем, как того требует веками существующее уважение к подлинной власти. Но сейчас страхи и сомнения вновь начали нашептывать Донахтиру, что слепое следование древним правилам не всегда может оказаться верным. А вдруг на Сверкающей Вершине начнутся такие перемены, что ему, с детства готовившему себя к заботе о подданных, никак нельзя будет оставаться в стороне? Вдруг орели начнут не только ссориться, но и убивать? Что он тогда сделает? Первым поднимет бунт против новой власти, и от начавшихся раздоров станет спасаться еще большими раздорами? Нет – это глупо. Но, что тогда? Соберет единомышленников и улетит жить в другое место, где попытается воссоздать прежнюю жизнь? Но, если даже не брать в расчет холод, царящий на других вершинах, подобное действие иначе, как трусостью и бегством не назовешь. А Великие Иглоны никого из своего народа на произвол Судьбы не бросают! Значит, тоже не пойдет. Но, что же тогда?!

Он задумался о последних словах, произнесенных мысленно. Произвол Судьбы... Но Судьба не капризный ребенок – все, что делается её волей всегда четко выверено и продумано. И, выходит, ему, Донахтиру, Великому Иглому, не остается ничего другого, кроме как ждать и подчиняться!

Глупое положение. Очень глупое. Но ничего другого Правитель для себя найти не мог, учитывая, что по воле все той же Судьбы, приход новых Иглонов на Сверкающую Вершину стал неизбежен...

– Рады видеть Правителя в добром здравии, – донеслось от дверей.

Донахтир обернулся.

Его дядя и братья осунулись и выглядели совсем измученными, однако улыбались широко и радостно.

– Ты уверен, что здоров? – весело спросил Форфан – Иглон Восточного Города. – А то ольт, когда вел сюда, вздыхал так, словно ты позвал нас попрощаться.

Донахтир усмехнулся в ответ. Мрачные мысли, терзавшие душу, потихоньку отступали.

– Спасибо, что напомнил. Я, как раз собирался отправить этого ольта к тем, кто пострадал в Верхнем Городе.

– Нечего, нечего, – с притворной суровостью проворчал их дядя Ольфан. – Дворцовые ольты находятся в моем ведении, а я считаю, что ему нужно побыть здесь еще немного. На всякий случай.

Великий Иглон нахмурился.

– Я уже не мальчик, дядя, и сам могу определить, нужна мне помощь ольтов, или не нужна. Так вот, она мне больше не понадобится, потому пойдешь и отправь его в город, к старейшине, который укажет, где можно принести больше пользы.

Ольфан с тяжелым вздохом развел руками, словно призывая двух других племянников в свидетели, что с Донахтиром спорить бесполезно, и пошел освобождать ольта от его обязанностей при особе Правителя.

– Ну, как ты, Твовальд? – тихо спросил Донахтир у Иглона Верхнего Города.

Тот удрученно опустил голову.

– Держусь. Больше ничего не остается.

– Как твои орели?

– Вот дождусь леппов, послушаю, что они скажут о восстановлении Города, и завтра же отправлюсь по другим Городам – посмотрю, как мои там устроились.

– Хорошо, – кивнул Донахтир. – Я, возможно, присоединюсь к тебе, если успею закончить все свои дела...

– И, если позволят ольты, – вставил Форфан.

– Позволят! – раздраженно воскликнул Донахтир. – Вы не хуже меня знаете, что времени нашего правления осталось совсем мало! Нужно успеть сделать все возможное, чтобы максимально снизить потери и наладить жизнь, хотя бы просто похожую на ту, которой мы жили раньше.

Форфан и Твовальд переглянулись.

– Что? – спросил Правитель. – Почему вы так странно смотрите?

Иглоны неуверенно пожали плечами и опустили глаза.

– С тех пор, как ты сказал нам о детях Дормата, – начал Форфан, – все мы задаемся вопросом, что будет дальше?

– Те, кто придут, – подхватил Твовальд, – могут оказаться достойными всяческого уважения, но при всех наших бедах... Ты же понимаешь, Донахтир, им придется разбирать целый ворох проблем. Смогут ли это новые Иглоны? Как ни крути, а они все же...

– Ни слова больше! – перебил Донахтир. – Да, я все это понимаю, и сам все утро мучился похожими мыслями, вспоминая отца и его опасения. Но мы не можем отказать в праве на престол законным наследникам. Пусть придут и своим приходом подарят нашему народу надежду на то, что даже самые плохие события, в конце концов, приводят к радости. А остальное уже наша забота. Новые Иглоны не начнут править Шестью Городами в первый же день. Наверняка захотят осмотреться и все понять про нашу жизнь, и от того, как мы это преподнесем и насколько хорошо объясним, будет зависеть дальнейшая жизнь на Сверкающей Вершине... И все об этом! Больше подобных разговоров мы вести не будем. Подойдет время – разберемся, а сейчас у нас есть не менее важные дела.

Иглоны низко поклонились Правителю, выражая свою покорность, а он мысленно обругал себя за лицемерие. Мечтает вернуть прежнюю жизнь, и сам, уже в который раз, нарушает главное правило Великих Иглонов – быть предельно честным и искренним в своих делах, поступках и мыслях...

Тут, наконец, в покои с шумом вернулся Ольфан.

– Я словно вулкан усмирял! – отдуваясь, сказал он. – Этот олт ни в какую не хотел уходить. И я его понимаю. Здесь гневаешься ты, Правитель, а там, за пределами дворца, будет гневаться старейшина. Ну, что бы тебе, племянник, не оставить беднягу при себе еще на день?

– Раненных слишком много, – отрезал Донахтир, закрывая тему.

Он сел на скамью возле окна и жестом предложил остальным присаживаться тоже.

– Прежде всего, несмотря на постигшее нас несчастье, я хочу решить вопрос о поселении Нижних орелей.

– Что решать, – проворчал себе под нос Ольфан. – Отправить туда всех Тористиновых дружков – пусть восстанавливают...

– Именно это я и хотел предложить, – заметил Донахтир, укоризненно глядя на дядю, так бесцеремонно его прервавшего. – Пусть восстановят все, как было. Я хочу, чтобы поселение стояло, и ничего в нем не менялось.

Последние слова Великий Иглон произносил, не глядя на слушателей, но даже так почувствовал, как вскинули на него глаза братья. Уверенный, что они поняли скрытый смысл его действий, Донахтир быстро заговорил дальше, не давая возможности ни Форфану, ни Твовальду задать какой-нибудь вопрос.

– Пока не вернулись леппы, мы должны решить, сколько рофинов от каждого Города, без ущерба для его обычной жизни, сможем послать к Верхнему вулкану, чтобы ускорить его остывание. Город необходимо начать восстанавливать, как можно скорее. И, даже если леппы скажут, что на прежнем месте это сделать невозможно, мы начнем строительство на соседних склонах – в нашей жизни тоже ничего не должно измениться! Поэтому рофинам придется не только остужать вулкан, но и обследовать соседние.

– Это правильно, – заметил Твовальд. – Там вокруг есть немало мест, пригодных для строительства гнездovin. Правда, в этом случае, новый город получится на несколько уровней ниже прежнего, но, уверен, никто из орелей против этого возражать не станет.

– Хорошо. Теперь о Чашах, – продолжал Донахтир. – Насколько я помню, мою нужно только отчистить от пепла и открыть. Однако, если на склонах начнутся работы, нам потребуется и Чаша Хеоморна. Пепел наверняка основательно забил трещину в ней, так что, если коглы приведут все в порядок и слегка подработают Чашу, то Серебряной Водой необходимо будет заполнить и её.

– Я пошлю людей завтра же, – сказал Форфан.

– Сегодня, – немного подумав, обронил Донахтир.

Иглон Восточного Города понимающе кивнул.

– Могу я кое-что добавить? – спросил он.

– Конечно.

– Ко мне с самого утра без конца идут добровольцы. Часть я отправил за Серебряной Водой, поскольку население нашего Города значительно увеличилось, а остальных достаточно много, чтобы оказать и коглам, и рофинам существенную помощь.

– Очень хорошо. Пусть Ольфан займется ими. Нужно будет разделить орелей на отряды, чтобы сменяли друг друга дважды в день, и отправить на расчистку нижних ярусов. А ты, Форфан отправь от моего имени саммов по остальным городам – наверняка там тоже хватает добровольцев. Пока Твовальд облетает Города, где разместились его орели, руководить работами будет... – Донахтир на мгновение запнулся. – А, где сейчас наш дядя Ригнольд? Я слышал, он сильно пострадал?

– Он с семьей гостит в моем доме, Правитель, – ответил Ольфан. – Телесные раны моего брата уже заживают, но душевные еще кровоточат. Вся его жизнь прошла в Верхнем Городе, как моя в Восточном, и я прекрасно понимаю, какую потерю он сейчас переживает. Хоть мы больше не Иглоны, но ответственность за Города продолжаем чувствовать.

– И с вас её никто не снимает, – слегка улыбнулся Донахтир, желая сделать приятное дяде. – Вы по-прежнему остаетесь заботливыми отцами Городов и достойным примером для подражания. Поэтому, если телесные раны Ригнольда уже зажили, я предложу ему лечение от ран душевных. Пусть отправляется в Верхний Город и руководит работами по восстановлению.

Глаза Ольфана радостно блеснули.

– Спасибо, Донахтир, – проникновенно сказал он. – Из-за своих ран Ригнольд совсем уж было решил, что, заботы ради, его отстранят ото всех дел. Но сегодня я передам ему твою волю, и лучшего лекарства для брата не сыскать!

Великий Иглон наклонил голову, глубоко задумавшись на некоторое время.

– Теперь, вот еще что... – медленно заговорил он снова. – Мне нужен летописец Дихтильф. Я понимаю, у него сейчас очень много забот, но совершенно необходимо кое-что проверить по Летописи...

– А Дихтильф здесь! – воскликнул Форфан. – Он прилетел на рассвете, очень волнуется и просит принять его сразу же, как только Правитель будет в состоянии это сделать.

Донахтир очень удивился.

– Прилетел? Сам? Неужели он предугадал то, что я собирался у него спросить?

– Не знаю, – пожал плечами Форфан. – Нам он ничего не сказал. Говорит, что прежде всего его должен выслушать Великий Иглон...

– Хорошо, пусть придет. И, раз уж все так секретно и срочно, я вас больше не задерживаю. Думаю, численность отрядов коглов и рофинов вы определите сами. Но, когда прилетят леппы, немедленно оповестите меня – я хочу услышать, что они скажут.

Иглоны и Форфан с поклонами удалились, и, почти тут же, в покои Правителя вбежал взволнованный старейшина летописцев. Он так спешил сообщить свою новость, что кланяться начал прямо на ходу, споткнулся, не удержался на ногах, и упал бы, не подхвати его Великий Иглон.

Острая боль немедленно взорвалась в раненной руке.

Донахтир застонал, закусив губу и повергая Дихтильфа в ужас.

– О! Простите меня, Правитель! – в свою очередь, подхватывая Великого Иглона, запричитал Летописец. – Я так спешил..., хотел скорее сообщить... Как ужасно! Сейчас я позову ольтов!

– Нет! – прорычал Донахтир, справляясь с болью и пряча глаза с проступившими слезами. – Сейчас все пройдет, я только присяду.

Кое-как он добрался до скамьи, сел и с облегчением откинулся к стене. Боль постепенно уходила, но на повязке проступили красные пятна, расплывающиеся прямо на глазах. Летописец уставился на них с ужасом.

– Правитель, – прошептал он, – вам срочно нужно залечивать раны!

– Я отслал дежурного ольта, – ответил Донахтир, стараясь не смотреть на разбухающую повязку.

Дихтильф замер. Казалось, он хочет что-то сказать, но не решается или испытывает сомнения.

– Говори, говори, – кивнул головой Донахтир, – я могу тебя выслушать.

Летописец шумно вздохнул, проглотил ком в горле и с запинкой произнес:

– Правитель, прежде чем начать говорить, я бы хотел взглянуть на внутреннюю сторону твоих крыльев.

Мало что понимая, Донахтир раскрыл одно крыло, чувствуя, что сил у него не осталось даже на то, чтобы удивиться. В голове началось легкое пока еще головокружение, в теле нарастала слабость, и Великий Иглон заранее стыдился, представляя себе, как призовет ольтов, и, чего от них наслушается.

«Странно, что Дихтильф не торопится бежать за ними», – туманной мыслью пронеслось в мозгу.

Донахтир поднял наливающиеся мукой глаза на летописца, который даже присел, чтобы лучше рассмотреть крылья, и с удивлением увидел, что лицо Дихтильфа озаряется счастливой улыбкой.

– Великий Иглон, – изменившимся голосом заявил летописец, – ты сам можешь исцелить себя! Ты – истинный Правитель!

Быстрыми решительными движениями он снял повязку с кровоточащей руки и, видя, что Донахтир уже не в состоянии что-либо сделать сам, приложил открывшиеся раны к трем белым перьям на внутренней стороне крыла.

Странное чувство охватило Великого Иглона. Такое с ним бывало, когда ясным безоблачным днем парил он, раскинув крылья и руки, а ласковое солнце согревало его тепло и мягко. Боль утихла моментально. Кровь из раны перестала течь и свернулась. А, когда суеющийся Дихтильф стер её подсыхающие следы с руки, оказалось, что и страшные глубокие порезы выглядят почти зарубцевавшимися.

– Что ты сделал?! – изумленно спросил Донахтир. – Я знал об умении Иглонов лечить, подобно ольтам, но, чтобы так...

– Как я счастлив! – вместо ответа воскликнул Дихтильф.

Похоже, он действительно был несказанно рад. Настолько, что упал рядом с Донахтиром на скамью, совершенно позабыв о правиле, предписывающем подданным садиться в присутствии Правителя только тогда, когда он сам предложит.

– Позволь мне поговорить с тобой не как с Великим Иглоном, а как с мальчиком, отца которого я знал и почитал, и которому был добрым другом, – попросил летописец, переплетая пальцы подрагивающих рук.

– Говори, – кивнул Донахтир.

– И ты, пожалуйста, не гневайся, если услышишь что-то обидное, ладно.

– Ладно.

Дихтильф вздохнул.

– Не буду скрывать, я сильно волновался, когда просил тебя показать крылья. Ведь, что скрывать, Хеоморн стал Великим Иглоном не так, как следовало. А возможностью вылечивать даже тяжело больных так, как ты только что вылечил сам себя, обладают лишь подлинные властители. Поэтому, пойми меня правильно, некоторые сомнения все же были... Но теперь, Донахтир, душа моя преисполнена счастьем! Ты – подлинный Иглон, что видно по твоим крыльям!

Донахтир растерянно заморгал, переводя взгляд с подживающих ран на крыло, отмеченное тремя белыми перьями.

– Но, почему ты раньше молчал?!

– А я ничего этого раньше и не знал. Это тайное знание из той части Галереи Памяти, куда заходят только Иглоны...

– И ты осмелился туда войти!!! – взвился Донахтир.

– Ни в коем случае.

Дихтильф продолжал спокойно сидеть.

– Я узнал это сегодня ночью, когда пошел в Галерею Памяти, чтобы изучить Летопись. Я же понимал, что после взрыва вулкана и всех этих подозрений, что взорвался он после совершенного злодеяния, ты обязательно попросишь меня изучить Летопись, чтобы проверить, было ли такое в прошлом.

– Верно, я собирался просить об этом.

– А я предугадал и посмотрел заранее. И нашел кое-что, из-за чего бросил все, чтобы посоветоваться с тобой, как можно скорее.

– Что же ты нашел? – почти шепотом спросил Донахтир.

Летописец повернулся к Правителю. Глаза его выражали недоумение и страх.

– Странные дела, мой мальчик, очень странные...

* * *

Ты сын Дормата?! – воскликнул Тористин, не веря собственным ушам.

– Да, – бесстрастно кивнул Старик.

Его заслезившиеся глаза были устремлены в сторону обвала. Только что он поведал Тористину про смерть Генульфа, когда открылось истинное происхождение Фостина. И, пока его слушатель приходил в себя от изумления, сам старик мысленно прощался с вызванным им к жизни образом отца. Он все равно считал Генульфа и Рофану своими родителями. А сейчас, воскрешая их образы рассказом, вдруг понял, как сильно любил свою семью, и любовь эта ничуть не ослабела и не потускнела по сей день.

Тористин же, потрясенный до глубины души, никак не мог уложить в своем сознании, что рядом с ним сидит живая легенда! Сын того Великого Иглона, которого не помнит в лицо даже его, Тористина, бабушка, потому что была тогда маленькой девочкой!

Орель схватился за голову. Он слушал дальнейший рассказ Старика, изумляясь все больше и больше, и, в конце концов, изумление его дошло до той черты, за которой уже ничто не могло удивить.

– ... И тогда Нафин сбежал, – спокойно рассказывал Старик, вдохновляясь не столько потрясенным вниманием Тористина, сколько картинами оживающей прошлой жизни. – Я сразу догадался, что Летающие, которых он видел утром, прочли ему надпись на плите, потому что, пока мальчика искали, первым делом навестил свой тайник. Поверь, Тористин, тело мертвого ореля, которое я нашел на площадке под пещерой, повергло меня в такой же ужас, как и тебя, и всех вас. Но Нафин не мог убить! Скрывать не стану – был момент, когда в голове упорно крутилась мысль, что это сделал другой орель... Не смотри так! Они нашли плиту, узнали, где искать детей Дормата и собирались лететь все вместе. Но один заупрямился, не захотел, испугался – что угодно... Другой от него просто избавился, чтобы не мешал и не выдал... Я ведь ничего о вас не знал – все мог предположить. Но оставленные сосуды говорили об ином. Раз их тащили до Гнездовища, то вряд ли бросили бы, отправляясь в более далекий путь...

Старик сокрушенно покачал головой.

– Сейчас мне, конечно, стыдно за ТЕ свои мысли. Не годится обвинять в убийстве того, кого в глаза не видел, и о ком ничего не знаешь. Но Нафина-то я знал, и представить убийцей его тоже не мог! Много различных вариантов выдумал я пока перетаскивал тело несчастного юноши в пещеру, но все они казались какими-то бессмысленными. Было ясно, что он сломал себе шею об острый камень, когда упал с верхней площадки на нижнюю. Но, каким образом мог упасть Летающий?!

– Может быть, Нафин все же убил его..., случайно? – робко предположил Тористин.

Он ожидал, что Старик разгневется, и приготовился услышать массу упреков в свой адрес за то, что не верит, что думает только самое худшее, и так ничего и не понял. Но Старик лишь медленно повторил:

– Случайно... Да... В жизни всякое может произойти. Но мы из множества вариантов почему-то всегда охотно выбираем самое худшее. Вот ты, например, ни о чем другом слышать не хотел, кроме того, что все мы тут убийцы и злодеи...

– Не надо, не напоминай, – опустил глаза Тористин.

– А я тебе это не в укор. Даже ваш мудрейший и воистину разумнейший Великий Иглон тоже в первое мгновение взвился на дыбы от гнева. Хотя, потом одумался, и его здравого смысла вполне хватило на то, чтобы не отдавать предпочтения крайностям. Однако, я прекрасно видел, каких душевных мук стоило ему решение не предавать огласке странную смерть своего подданного. Перед глазами до сих пор стоит лицо Донахтира в тот момент, когда он закрывал пещерку плитой с Генульфовой записью. Но это было мудрое решение. К тому моменту ваш Правитель уже знал правду обо мне и о моих братьях, и понимал – грядут перемены, перед которыми никакие раздоры недопустимы...

Тористин глухо застонал.

– Ах, я болван! Что же я наделал! Пошел против Великого Иглона, хотя знал..., всегда знал, что Правители мудрее и дальновиднее нас!

– Не казись, – похлопал его по руке Старик. – Ты всего лишь довел до нужного конца то, что было начато давным-давно другими. По предсказанию Гнездовище должно было исчезнуть, и хорошо, что оно исчезло так, а не иначе. Ты меня понимаешь?

Тористин кивнул.

– Сердце моё ноет, – продолжал Старик, – но оно не горит болью. А это значит, что поселяне живы, просто я не должен был их найти. Они исчезли, как и было предсказано. И это исчезновение, яснее ясного дает понять, что сбылось предсказание другое – о моих братьях. Нафин нашел их, и скоро все они придут сюда, чтобы подняться на Сверкающую Вершину и завершить эту затянувшуюся историю.

Старик замолчал, а Тористина вдруг обдало холодом. Нафин приведет детей Дормата! Наследников, которые станут Иглонами! И сейчас рядом с ним сидит орель, который, вполне возможно, станет его новым Верховным Правителем!

Тористин мгновенно соскочил со скамьи и склонился перед Стариком.

– Прекрати сейчас же! – рассердился тот. – Тоже мне, додумался! Я тебе все рассказал не для того, чтобы любоваться на твою согнутую спину!

– Но ты скоро станешь Иглоном, Правителем на Сверкающей Вершине! Я не имею права сидеть рядом...

– Сядь! – резко приказал Старик.

Брови его сошлись на переносице, то ли от гнева, то ли от тяжких раздумий.

Последние слова Тористина о том, что на Сверкающей Вершине детей Дормата ждет не смерть, а власть, стали для Старика совершеннейшей неожиданностью. Он никогда ни о чем таком не думал, и не готовил себя ни к чему подобному. В его представлении даже Дормат никогда не виделся Правителем, а только несчастным орелем, летящим в пропасть с нелепо заломленными крыльями... Нет, Старик не хотел становиться Иглоном! Он готовил себя к борьбе за Гнездовище, за возвращение прежней спокойной и размеренной жизни для своих сородичей, но только не к тому, чтобы получать власть, в которой ничего не смыслит. Тористин просто что-то напутал. Он слишком впечатлительный и импульсивный, и хочет, наверное, загладить свою вину... Но Летающие не настолько глупы, чтобы отдавать власть в руки несведущих!

А Тористин, который так и не осмелился сесть, вдруг явственно увидел перед собой Донахтира и всех нынешних Иглонов. Он увидел их беспечными и веселыми молодыми людьми, еще не принявшими власть, какими запомнил их в первый день праздника. Того самого праздника, с которого и начались все беды орелей. Именно тогда сбежал Тихтольн, умер Флиндог, пытавшийся ему помешать, и мудрый Правитель Рондихт навсегда ушел в Галерею Памяти...

С тех пор минул всего год, но как переменились молодые Иглоны! Тористин вспомнил лицо Донахтира в тот момент, когда он признавался, что давно знает о гибели Тихтольна. Это было лицо мудреца, приносящего себя в жертву обстоятельствам, и до Тористина, наконец, дошло, что должен был чувствовать Великий Иглон, делая подобное признание. Да еще в зале, заполненном разгневанными орелями, которые принесли едва остывшее после убийства, тело своего товарища.

А ведь Правитель был тогда прав! Тористин теперь понимает, насколько верным и мудрым было решение Донахтира. Он – истинный Великий Иглон, и никакого другого Орелям не надо!.

Ох!!! Тористин едва не прикрыл себе рот рукой, хотя вслух не произнес ни слова из того, о чем думал.

Нет, нет! Он ничего не должен иметь против прихода истинных наследников! Он даже очень рад, что они выжили, и в Летописи орелей безликое сочетание «дети Дормата» обретет, наконец, имена и перестанет быть символом самого страшного несчастья... Но... Нет, Тористин не может себе позволить думать дальше! Один раз он уже позволил сомнениям взять над ним верх, и это привело к ужасным последствиям... Но, все же... Плохо, конечно, что он продолжает сомневаться..., правда, теперь уже в другом, но все же, все же...

– Сядь, – снова повторил Старик, но уже мягче. – Вот стану Иглоном, тогда и будешь подсказывать, а пока послушай, что я тебе скажу.

Тористин немного помедлил, но сел с явной неохотой и, как можно дальше от Старика.

Тот удивленно скосил глаза.

На короткий миг в его взгляде, едва заметное, проскользнуло понимание...

Минуту оба молчали.

– А, знаешь, ничего я тебе говорить не стану, – неожиданно бодро заявил Старик. – Поздно уже, и давно спать пора. Полагаю, в одной гнездовине со мной ты ночевать больше

не можешь, так что пойди и выбери себе любую другую. А с утра принимайся за работу – пора уже тут все восстанавливать.

Он резко встал и ушел.

А Тористин, крепко сжав ладонями края скамьи, еще долго сидел под засыпанным звездами небом, чувствуя, как неумолимо разрастается в нем прежнее неприязненное отношение к Старику.

* * *

Донахтир невольно сжался, услышав последние слова Летописца. Неужели нашлись какие-то записи о страшном призраке в тайном тоннеле?

– Говоришь, странные дела? – медленно переспросил Правитель. – Что ты имеешь в виду?

– Ту давнюю историю с детьми Дормата, – сказал Дихтильф, не отводя глаз от лица Донахтира, и тому стоило немалых усилий выдержать этот взгляд, ничем не выдавая своего смущения.

Дети Дормата! Еще и это! Нет, определенно, Великим Иглонам следует вменить в обязанность еще до принятия власти вдоль и поперек изучать Летопись!. Хотя, вряд ли им это было нужно до сегодняшнего дня. Пожалуй, кроме Донахтира, ни один Правитель Сверкающей Вершины не обременял свою душу столь тяжкими тайнами... Нет, конечно, и его отец, и дед, и прадед Хеоморн имели что скрывать, ведь они все прошли через Галерею Памяти. Но то, что знали они, никто больше узнать не мог. Зато тайна, взваленная на плечи Донахтира, так и стремилась вырваться из тайников Времени, словно устала от собственного заточения... Или не устала, а просто пришло время перестать ей быть тайной?

Донахтир взял себя в руки. Что ж, рано или поздно, правду о детях Дормата все равно следовало обнародовать, так почему не теперь?

– Я слушаю тебя, – подбодрил он Дихтильфа, видя, что тот никак не решается заговорить.

– Для начала, позволь мне, Правитель, напомнить тебе обо всех волнениях, связанных с вулканами на Сверкающей Вершине.

Великий Иглон кивнул.

– Так вот, первый из описанных в Летописи, произошел при Хорноте – внуке Хорика Великого и отце Сагдифа. Он тогда собрал добровольцев, чтобы лететь на землю, и крупно повздорил из-за этого с братьями.

– Да, помню, я читал об этом в Галерее Памяти.

– В другой раз серьезная опасность нависла над Западным Городом. И случилось это после того, как один из иширов, слетав к нохрам, рассорился со своими соседями, едва ли не до драки. А, когда полетел в следующий раз – бесследно исчез. Иглон, правивший в то время, как раз собирал отряд на поиски, когда из жерла Западного вулкана повалил густой дым. Из-за этого поиски были отложены, и из-за этого же причина ссоры между иширом и другими орелями обозначена в Летописи как-то туманно. Как будто даже сами соседи не поняли, почему их ишир стал вдруг так агрессивен.

Следующим взрывом грозил вулкан Северного Города. И именно после того, как рофин Асхорт слетел ниже дозволенного уровня и увидел бескрылых. Кстати, этот Асхорт был дальним предком нашего несчастного Тихтольна.

Донахтир вскинул на Летописца глаза.

– Ты видишь в этом какую-то связь?

– Нет, это я просто так, к слову. А связь отчетливо видна в другом. Всякий раз вулканы угрожали Орелям, когда появлялась опасность контактов с бескрылыми, или происходили неприятные конфликты между самими жителями Шести Городов. Конечно, ничего подобного

тому, что совершил Тористин никогда до сей поры не случалось, но и вулканы почти всегда удавалось успокоить, не доводя их гнев до той разрушительной силы, которую мы наблюдали в этот раз. Однако, вот что странно – ни на смерть Анхорины – жены Дормата Несчастливого, которая умерла очень странно и очень быстро, ни на гибель самого Дормата, и даже на исчезновение его детей, явно неестественное, вулканы Сверкающей Вершины не отреагировали! Все оставалось спокойным и тогда, когда Генульфа изгнали, покалечив ему крылья. Наказание ужасное, беспрецедентное, но выглядело все так, будто Генульф его заслужил. Однако, раз он это заслужил, значит, имело место отвратительное тройное злодейство, но вулканы молчали! Те самые вулканы, которые готовы были залить лавой город только потому, что какой-то его житель поссорился с соседями!

Дальше – больше! Тихтольн, вечная ему память, залетает, подобно предку, ниже дозволенного уровня и находит Гнездовище. Что происходит со Сверкающей Вершиной? Ничего! Потом они с Лоренхольдом сбегают, став невольными виновниками смерти старого Флиндога – и тоже ничего! Потом сами погибают от рук тех, кого мы все же считаем орелями, но вулканы продолжают молчать! И, только когда Тористин совершает свое злодейство, гнев Верхней Горы, наконец, выплескивается наружу...

– К чему ты ведешь? – глухо спросил Донахтир.

– К тому, что получается, будто все, связанное с трагедией времен Дормата, Сверкающей Вершине было угодно!

Великий Иглон на мгновение потерял дар речи.

– Угодно? – хрипло переспросил он. – Но этого не может быть! Зачем?

Дихтильф печально развел руками.

– Увы, Правитель, объяснение я нахожу только в одном – правящий род..., м-м, как бы это сказать?. Он должен был прерваться.

– Что?!!!

– Пожалуйста, не гневайся! Вспомни, какими были ТЕ Иглоны. Санихтар, отец Дормата и твоего предка Хеоморна, заслуживает, конечно, самой светлой памяти, но в своем правлении во всем полагался на мнение жены. Это счастье, что почтенная Эллуна была мудрой и справедливой Иглессой, но пример отца не мог не сказаться на детях. История женитьбы Дормата всем известна, и, останься Анахорина жива, именно она полновластно управляла бы Сверкающей Вершиной!. А остальные Иглоны? Я внимательнейшим образом изучил все записи по городам за годы их правления, и, знаешь, что заметил?

– Что?

– Они по любому поводу обращались за советом к Гольтфору – моему предшественнику. Создается впечатление, что именно он разрешал все сложные и важные вопросы до той поры, пока полномочия Великого Иглона не принял на себя Хеоморн. Я только сейчас в полной мере осознал, насколько это было правильно! Он единственный из всех братьев отличался хладнокровием, дальновидностью и верой в свои силы. Поэтому мне и кажется, что череда жестоких событий осталась безнаказанной только потому, что была призвана исправить ошибку Санихтара, объявившего своим преемником и нашим Верховным Правителем не того сына!

Великий Иглон поднял на Летописца тяжелый взгляд.

– Не может быть. Столько жестокостей, ради смены Правителя! Но, как тогда объяснить изгнание Генульфа? Виновен он, или нет, но уход одного из Иглонов внес дополнительную путаницу в дела, и без того безнадежно запутанные.

– Нет, нет, Правитель, это только так кажется! На самом деле, все очень логично. Изгнание лишь часть огромного замысла. Генульф ведь не погиб, более того, основал поселение новых орелей – орелей, породнившихся с бескрылыми! Что это, как не предупреждение нам! Вулканы неизменно гневались, когда кто-то пытался просто разузнать о жизни в Низовье,

а тут – наглядный пример того, к чему могут привести тесные контакты с чужаками – вырождающееся племя, нелепое и беспомощное среди гор.

И предсказание о проклятии, которое будет снято ценой гибели Гнездовища, как ничто другое, подтверждает мою догадку. Возможно, Генульф должен был найти детей Дормата именно на исходе жизни и привести их сюда уже взрослыми, но не готовыми к власти. Если он был виновен, то единственный знал, где их отыскать, и должен был вернуть – дети ведь не виноваты в ошибках своих родителей. Однако, Генульф на поиски так и не отправился, и потому наши беды множатся и множатся. Это кара, и кара ужасная, оттого, что не существует больше возможности снять проклятие.

– А, как же мальчик из Гнездовища, который улетел на поиски? – спросил Донахтир, отводя глаза.

– Он станет очередной жертвой. Глупо надеяться, что дети Дормата еще живы. И к злодействам Генульфа можно прибавить еще одно: мальчик наверняка погиб.

Донахтир помолчал, борясь с желанием немедленно рассказать Летописцу о Старике и об остальных, но, вместо этого, спросил:

– Почему ты так уверен, что Генульф виновен? Ты нашел еще что-то в Летописи?

– Да, Правитель, нашел, – торжественно объявил Дихтильф. – И это самое ужасное из всего открывшегося мне.

Взгляд Великого Иглона закаменел.

– Говори, – ледяным тоном приказал он.

Летописец откашлялся и, заметно волнуясь, начал:

– Как всем известно, в Галерее Памяти напротив описания периода правления каждого из Великих Иглонов есть углубления, в которых сложены таблички с более поздними дополнениями. Там имена самых прославленных ремесленников и заметки старших ройнов, которые, как правило, интересны только тем, кто составляет родословные перед свадьбой сына или дочери. Изучая правление Дормата Несчастливого и его братьев, я решил на всякий случай заглянуть и туда тоже. Само собой, ничего интересного там не нашлось. Но, уже собираясь уходить и переставляя последнюю табличку, я наткнулся на странную плиту. Сначала даже не понял, зачем она здесь и к чему относится, но, когда прочитал подпись, а, главное, когда начал читать весь текст...

Голос Дихтильфа сорвался, и он сердито затряс головой.

– Эти записи – покаяние Гольтфора! Главнейший ройн до самой смерти был уверен, что косвенно причастен к трагедии, разыгравшейся на Сверкающей Вершине! Он так и пишет в самом начале: «Перед концом своих дней...», (а, судя по дате на табличке, Гольтфор действительно писал признание незадолго до смерти), так вот, «перед концом своих дней хочу я покаяться в том, что проявил малодушие и преступное любопытство; в том, что не бежал, зажав уши, в том, что не прервал Великого Иглона и позволил ему высказаться при мне!»...

– «Высказаться при мне»? – удивленно повторил Донахтир. – Но, что это может означать? Дормат что-то рассказал Гольтфору?

– Да.

– Но, что такого ужасного мог Дормат рассказать о Генульфе, если был еще жив, и, значит, никаких трагедий еще не произошло?

– Тайное Знание Великих Иглонов, – почти шепотом сказал Дихтильф.

Донахтир подскочил со скамьи, как будто его подбросила пружина.

– Ты лжешь!!! – закричал он. – Или лжет Гольтфор! Никогда ни один Великий Иглон не осмелится сделать такое!

– Дормат осмелился! – волнуясь, но, не отступая перед гневом Правителя, ответил Дихтильф. – Сядь, пожалуйста, Донахтир, и успокойся! Я уже говорил тебе, что Санихтар не всех сыновей воспитал как должно, и о влиянии Гольтфора тоже упоминал. Главнейший ройн

был настоящим орелем, болеющим душой за все, что происходило на Сверкающей Вершине, и не мог не понимать, что Дормат не тот Правитель, которого все ждали. Избалованный, не слишком решительный там, где нужно, зато слишком упрямый там, где не нужно, этот Великий Иглон совершенно разочаровал его, когда в гневе на амиссий, словно похваляясь, стал рассказывать о Тайном Знании. Влияния Гольтфора на других братьев было вполне достаточно, чтобы внушить любому из них – Дормат не достоин своей власти! Возможно, именно Генульф у него это и внушил, и тот совершил своё злодеяние, будучи раздражен, и в гневе на брата...

Но потрясенный Донахтир, казалось, ничего не слушает! Он никак не мог успокоиться. Широкими шагами Правитель мерил комнату, сплетая и расплетая ладони в сильном волнении.

– Выдать Тайное Знание! Дормат, верно, обезумел, раз решился на такое!. А Гольтфор тоже хорош – стоял и слушал! Да еще и записи оставил, чтобы любой...

Донахтир вдруг словно споткнулся и резко обернулся к Летописцу.

– Нет, нет, Правитель! – замахал тот руками, предвидя вопрос. – Я не дочитал до конца! Гольтфор своё покаяние выбил на одной стороне таблички, а сами Знания Иглонов – на другой. В запале я успел прочитать только об исцеляющих перьях в крылах истинных Правителей, но, когда понял, ЧТО читаю, немедленно закрыл глаза и бежал прочь.

– А ты уверен, что никто больше этого не читал?

– Уверен. Я же говорю, в эти углубления мало кто заглядывает. Я и сам заглянул случайно, больше для очистки совести, нежели надеясь найти там что-то стоящее.

– Зачем же Гольтфор поместил свои записи в такое место? Зачем он их вообще сделал?! Он что, не понимал, какой это риск?

– Это самая большая загадка, Правитель. Главнейший ройн сам пишет, что трагические события на Сверкающей Вершине явились, по его мнению, карой за то, что он, простой орель, оказался посвященным в тайны, знать которые могут одни лишь Великие Иглоны. И тут же объясняет, для чего делает эти свои записи...

Дихтильф опасливо взглянул на Донахтира.

– Дормат ведь открыл не только то, что было записано на стенах тайного тоннеля, но и самое сокровенное – то, что Великий Иглон передает своему преемнику на словах!

Донахтир замер.

От слов Летописца у него перехватило дыхание. оказывается, он, его отец, дед и сам Хеоморн знали далеко не все, что следовало знать Верховному Правителю! И то, что Рондихт говорил ему при прощании, не является Тайным Знанием Иглонов... Или является, но не в полном объеме. Он ведь ничего не говорил об исцеляющих перьях, значит, может оказаться, что есть и многое другое, что Донахтир, как Великий Иглон, должен был бы знать, но не узнал, потому что Хеоморн когда-то пришел к власти не так, как следовало!

Правитель, не мигая, смотрел в глаза летописцу.

– Мне продолжать? – осторожно спросил Дихтильф, напуганный выражением его лица.

– Да, продолжай. Ты начал говорить, что местоположение записей Гольтфора самая большая загадка. Почему?

Летописец снова оживился.

– Потому что Гольтфор собирался отнести эту табличку в тайный тоннель, где её должен был найти сын Хеоморна, когда приведет своего преемника. Но записи почему-то оказались погребенными под целой стопкой второстепенных табличек.

– Может, не успел, или не смог донести, – предположил Донахтир. – Гольтфор ведь был очень старым, когда умер. А ты сам сказал, что записи свои он делал незадолго до смерти...

– Но донес же он их до Галереи Памяти! – в волнении перебил Летописец. – Более того, пронес по всем переходам, именно к тому месту, где описывалось правление Дормата! Я,

к примеру, на слабость в руках не жалуясь, но тащить плиту сюда, чтобы ты сам все прочел, не решился – слишком тяжело.

Донахтир какое-то время задумчиво смотрел себе под ноги, затем отошел к окну и очень долго, в полном молчании, смотрел на склоны, усеянные гнездовинами.

– Я хочу прочесть эти записи, – выговорил он, наконец.

– Ты должен это сделать, – откликнулся Дихтильф. – Я понимаю твои опасения, и сам, пока летел сюда, не раз хватался за голову – что если совершаю ошибку? Но потом вспоминал тебя, Донахтир, твоего отца, и уверенно летел дальше. Вы – истинные Правители, и три исцеляющих пера в твоём крыле не убедили меня больше, чем я сам уже был убежден.

Донахтир медленно обернулся.

– Вспоминал меня?

Он невесело усмехнулся.

– Скажи, Летописец, много в истории орелей наберется Великих Иглонов, совершивших столько ошибок?

Дихтильф сердито нахмурился.

– Твоя главная ошибка – это то, что ты так думаешь. Истинный Правитель не тот, кто правит долго и безоблачно, а тот, рядом с которым испытываешь гордость, что рожден орелем. И я недостоин звания Главнейшего Летописца, если не скажу тебе этого сейчас. То, как орели полетели спасать Гнездовище – все как один, позабыв про раздоры – яснее ясного показывает, что Великий Иглон Донахтир способен пробудить в них самые лучшие чувства, даже тогда, когда они вне себя от гнева или горя. И ты можешь не летать в Галерею Памяти и не читать того, что записал Гольтфор, все равно, истинный Правитель в тебе никуда не денется. И править нами ты будешь не хуже, чем Великие Иглоны древности, знавшие все, что положено.

С этими словами Летописец низко поклонился, давая понять, что сказал все, что хотел, и с этой минуты разговаривать с Донахтиром будет только как с Верховным Правителем.

Но Донахтир не спешил с ответом.

Лицо его застыло, скрыв за неподвижной маской все терзающие душу переживания.

– Дождись меня, – коротко приказал он, наконец. – Как только леппы объявят о своем решении, мы тут же полетим в Галерею Памяти.

Дихтильф еще раз поклонился и двинулся, было, к выходу, но Донахтир его удержал.

– Скажи, что по твоей стройной теории должны были делать орели, если бы Генульф нашел все таки детей Дормата и привел бы их к нам?

Глаза Летописца затопила горечь.

– Я боялся этого вопроса, Правитель, потому что ответа у меня нет. Возможно, они жили бы среди нас, как простые орели, или пришли бы к нам уже обогащенные неким опытом, который позволил бы им самим определить свою дальнейшую судьбу. Но теперь мы этого никогда не узнаем.

– Узнаем, – тихо сказал Великий Иглон.

Он стоял перед Дихтильфом и чувствовал себя так, как чувствуют, стоя на краю пропасти, когда надо решить – падать ли вниз, не зная, выдержат крылья или нет, или остаться на опасном краю.

Наконец, Донахтир решился.

– Дети Дормата живы, – сказал он, делая шаг вперед. – И скоро мальчик из Гнездовища приведет их на Сверкающую Вершину.



Леппы прибыли ближе к вечеру и, несмотря на уговоры Ольфана подкрепиться и привести себя в порядок, сразу же потребовали встречи с Иглонами.

В зале Церемоний, куда их проводили, уже дожидались Твовальд и Форфан, которые сидели по обе стороны от трона Правителя. Это обстоятельство приятно поразило леппов – значит, Великий Иглон настолько окреп, что может придти и выслушать их...

Все расселись в ожидании.

Донахтир широко шагал по галереям дворца. Потрясенный Дихтильф еле поспевал следом. Они, словно поменялись ролями. Теперь Летописец был мрачен и нес на лице печать заботы. Зато Донахтир шел легко, как будто сбросил с плеч тяжелый груз.

Первое, что спросил Дихтильф, когда услышал о скором приходе наследников Дормата, было:

– Как же они станут нами управлять? Они ведь ничего про нас не знают...

И Великий Иглон как-то сразу успокоился.

Что ни говори, а жило где-то в подсознании опасение, что истинная причина его терзаний, в которой стыдно признаваться даже самому себе, кроется все же в нежелании отдавать власть. Донахтир любил орелей, гордился укладом их жизни и чувствовал..., именно сейчас особенно остро чувствовал, что готов править и знает как... Однако, смущение Летописца убедило его, что сомнения, вроде тех, которые пришли ему в голову, посетят каждого. И, значит, Иглоны, без стыда и страха, что их неправильно поймут, могут..., нет, даже должны, предложить наследникам Дормата свою помощь и стать для них на первое время наставниками, невзирая на почтенный возраст будущих Правителей.

Донахтир вдруг почувствовал себя легко и весело, а утренние переживания стали казаться надуманными.

Да и сама правда о детях Дормата перестала видеться тайной, требующей обязательного сокрытия. Конечно, объявлять о ней на площади пока не следовало, но и хранить одному, как зеницу ока, тоже было ни к чему.

Действительно, чего он боялся? Из-за чего не спал столько ночей? Вот сейчас сказал Дихтильфу и сразу почувствовал себя лучше, потому что отпала необходимость что-то скрывать! Летописец, конечно, смущен и растерян, но это всего лишь первая реакция. Потом, по желанию Донахтира, он поставит в известность Ольфана и остальных дядей, и у всех, кто близок к Иглонам и является их вернейшей опорой, появится возможность как следует определиться в своем отношении к приходу наследников и подготовиться к нему.

Донахтир стремительно вошел в зал Церемоний, поражая своим бодрим видом всех, кто там собрался. Даже несчастный дежурный ольт, которого Ольфан на свой страх и риск все же припрятал на всякий случай в самом темном углу, изумленно выполз наружу, рассматривая

руку Правителя. Лишенная повязки, со все еще закатанным рукавом, она выглядела совершенно здоровой!

Донахтир, проходя мимо ольта, приветливо ему улыбнулся и, словно дразня, повертел вылеченной рукой. Но после этого опустил рукав, дошел до трона, сел и серьезно взглянул на леппов, склонившихся в почтительном поклоне.

– Ну, что вы скажете? – нетерпеливо спросил Великий Иглон, кивая в ответ на приветствие. – Город можно восстановить на прежнем месте?

– Да, Правитель, – хором ответили леппы.

– Как скоро?

Ремесленники слегка замялись.

– На этот вопрос так сразу не ответишь.

Старший лепп неопределенно развел руками.

– Ко дню Золочения мы гарантированно восстановим нижний ярус и, может быть, часть следующего. И, разумеется, площадь с Чашами. Но верхний ярус и дворец...

Он сокрушенно покачал головой.

– Понятно, – Донахтир слегка вздохнул. – Но, если город можно восстановить на прежнем месте, это уже радует. Рофины с утра посланы остужать вулкан. Добровольцы скоро придут для расчистки пепла...

– Они уже полетели, Правитель, – вставил Форфан.

– Хорошо. Ваша задача теперь – собрать всех ремесленников, которые понадобятся и приступить к работе, как только от пепла очистится первый участок. Мне необходимо, чтобы город восстановили в самые короткие сроки.

Леппы, хоть и были удивлены такой спешкой, вида не подали и низко поклонились.

Иглоны Верхнего и Восточного Города задали им несколько уточняющих вопросов, и ремесленники пустились в пространные объяснения, но Великий Иглон их уже не слушал. Главное он узнал и теперь позволил себе мысленно перенестись в Галерею Памяти.

В праве ли он читать о сокровенном Знании? Ведь Гольтфор по какой-то причине не оставил их этому правящему роду. Но по какой? Узнал, что истинные наследники живы, или...

До Донахтира неожиданно дошло, что могло заставить Гольтфора спрятать свои записи вместо того, чтобы оставить их в тайном тоннеле – страшный призрак, обитающий там!

Великий Иглон словно воочию увидел старого Летописца, отчаянно входящего туда, куда входить не следует. В трясущихся руках плита, в душе – страстное желание исправить, не столько свою, сколько чужую ошибку. И тут он видит...

Донахтир прикрыл глаза.

Он прекрасно понимал, какой ужас мог охватить несчастного Гольтфора. Но еще больший ужас должен был его охватить, если призраку вздумалось завести разговор. Тогда понятно, почему старый Летописец сбежал, оставляя новый правящий род без Великого Знания!

Донахтир тяжело вздохнул.

Призрак...

Эх, знать бы наверняка, что все хорошо закончится, и ужас, живущий в тайном тоннеле, исчезнет без следа вместе с проклятием, насланным на Генульфа. Тогда, (пусть даже все о нем узнают), Донахтир почувствует настоящее полное облегчение, а не мимолетную легкость от того, что переложил свой груз еще на чьи-то плечи.

– Донахтир, – послышался рядом тихий шепот, – что с твоей рукой? Кто тебя вылечил так, что шрамов почти не видно?

Великий Иглон слегка наклонился к Форфану, недоверчиво разглядывающему его руку.

– Это секрет, братец. Но, если у тебя что-то заболит – приходи.

– Так ты сам?!?! – воскликнул Иглон Восточного Города.

– Тс-с, – прижал палец к губам Донахтир. – Ты невежлив и мешаешь Твовальду.

Правитель Верхнего Города как раз уточнял у леппов, подлежат ли восстановлению самые глубокие внутренние покои дворца и гнездовин, поэтому сердито покосился на шепчущихся.

– Это он так смотрит вовсе не из-за того, что мы ему мешаем, – снова зашептал Форфан. – Просто злится, что не может сам расспросить о твоём исцелении.

Донахтир еле заметно улыбнулся.

Отец когда-то говорил, что, как Иглоны, они не будут больше иметь права на слабости и ошибки, но какие же они еще все-таки мальчишки! Особенно теперь, когда миновала такая страшная опасность, когда все пострадавшие уже на пути к выздоровлению, а город вот-вот начнет восстанавливаться.

Донахтир слегка раздвинул крылья и отклонился на высокую спинку трона.

Он принял решение и теперь точно знает, что сделает после того, как посетит Галерею Памяти.

Он полетит к амиссиям!

Когда-то прорицательницы сочли возможным сказать ему, что дети Дормата живы. Может быть, и теперь они хотя бы дадут понять для чего эти, толком не знающие друг друга старцы, придут на Сверкающую Вершину.

И принятое решение показалось Донахтиру панацеей ото всех бед.

Если разговор с амиссиями получится, он с легкой душой объявит своим подданным о скором приходе наследников и не отяготит их разум назойливыми мыслями – смогут ли новые Иглоны достойно править? Он сразу даст необходимые разъяснения, и готов даже рассказать о призраке в тайном тоннеле, если, конечно, подобные откровения потребуются. Пусть! Великий Иглон больше не боится этой правды! Лишь бы на пользу пошла, и на Сверкающей Вершине не возникало никаких волнений из-за того, что отлаженная жизнь снова претерпит изменения...

Но тут вопросы Твовальда иссякли, и Ольфан повел леппов в свои покои, чтобы усталые ремесленники смогли подкрепиться.

Твовальд же немедленно повернулся к Донахтиру и жадно уставился на его руку.

– Как? – выдохнул он, не находя других слов.

– Я бы тоже хотел взглянуть, – робко подал голос из своего угла ольт.

Он страшно волновался и потому забыл обратиться к Правителю как следует, Но Великий Иглон великодушно не обратил на это никакого внимания и снова закатал рукав.

Дежурный ольт, вытянув шею, приблизился на почтительное расстояние.

Ему хватило одного взгляда. Потом в глазах ольта загорелось благоговение и, подняв на Донахтира восхищенный взгляд, он прошептал с легкой дрожью в голосе:

– Я слышал, что древние Правители могли творить подобные чудеса, но, честно сказать, не представлял, как такое возможно!

Форфан с Твовальдом, ничего не понимая, уставились на брата, приводя его в смущение – Донахтир еще не решил, как преподнести им новость о записях Гольтфора. Но тут Дихтильф, скромно стоящий в стороне, поспешил на помощь.

– Великому Иглону угодно лететь со мной немедленно, или дело подождет до утра? – смиренно спросил он, подходя ближе.

– Лететь? Куда? – воскликнули Иглоны, тут же забыв о чудесном исцелении.

– В Галерею Памяти, – ответил Донахтир. – Мне необходимо кое-что там просмотреть. А потом..., – он положил руку на плечо Твовальда. – Прости, брат, я не смогу облететь с тобой города, как собирался. После Галереи Памяти меня ждет дело, которое не терпит отлагательств.

Твовальд понимающе наклонил голову.

– Мы улетаем немедленно, Дихтильф!

Донахтир встал с трона, спустился по каменным ступеням и добавил, обращаясь к братьям:

– Ждите. Возможно, я принесу новости, которые избавят нас ото всех сомнений.

С этими словами он прошел мимо согнувшегося в поклоне ольта и покинул зал Церемоний. Следом за ним, почтительно попрощавшись, ушел и Летописец.

* * *

Сверкающая Вершина таинственно мерцала ледяным навершием, особенно красивая и величавая на фоне золотисто-коричневого неба. Бледный лунный серп робко поглядывал на неё снизу, не рискуя забраться повыше, пока не угасли последние отсветы закатившегося солнца.

Летописец с Великим Иглоном опустились перед входом в Галерею Памяти и сложили крылья.

– Правитель пойдет со мной, или предпочтет подождать, пока я вынесу плиту сюда? – спросил Дихтильф.

– Вынесешь? Зачем? – удивился Донахтир.

– Не оставлять же её там, – в свою очередь изумился Летописец. – Я думал, что теперь Тайное Знание следует перенести в тоннель, разве не так?

Он недоумевавшая смотрел на задумчивое лицо Правителя.

Дихтильф был уверен, что Донахтиру не терпится скорее прочитать найденные записи, и свой вопрос задал исключительно ради соблюдения приличий. Но реакция Великого Иглона оказалась совсем не такой, какую он ожидал. Вместо того, чтобы устремиться по переходам Галереи к желанной тайне, Донахтир нерешительно стоял на пороге и в задумчивости покусывал нижнюю губу.

– Разве ты не станешь переносить эти записи? – еще раз спросил Дихтильф, надеясь вернуть своего Правителя к действительности.

Но Донахтир вдруг отвернулся и сел на большой валун возле входа.

– Я не пойду туда, Дихтильф, – тихо, но твердо сказал он. – Я не могу. Это было неправильное решение. Мне нельзя...

– Но..., как же...? – пробормотал Летописец.

Он потерянно смотрел на Донахтира и не знал, что еще сказать. Почему «не пойду»? С какой вдруг стати? Неужели боится?!

Летописец с жалостью и пониманием покачал головой. «Глупо. Очень глупо, – подумалось ему. – Но понять это можно. Будь я на месте Донахтира, я бы тоже, наверное, не решился. Наследники Дормата живы, и он не чувствует за собой полного права читать о Великом Знании, но...»

– Ты достоин этого, – вслух произнес Дихтильф.

– Я достоин прочитать только то, что написал Гольтфор о себе, – не поднимая головы, ответил Донахтир. – Но остальное читать не стану. Ты ведь понимаешь меня, не так ли?

Летописец вынужден был кивнуть.

– Ну вот. А потом мы занесем плиту в тайный тоннель и оставим там...

– Мы?! Но мне нельзя туда заходить! – в испуге воскликнул Летописец.

– Гольтфор заходил, и тебе можно.

Дихтильф недоверчиво глянул на Великого Иглона.

– А почему Правитель так уверен, что Гольтфор туда заходил?

– Потому что он не оставил там плиту, – коротко обронил Донахтир и встал, всем своим видом давая понять, что ничего больше объяснять не станет.

– Мне помочь тебе вынести записи? – спросил он спустя мгновение, потому что Дихтильф застыл, размышляя над последней загадочной фразой Великого Иглона.

– Нет, нет, – моментально очнулся Летописец. – Я сам...

Через мгновение его шаги уже затихали в недрах черного коридора.

Донахтир остался один.

Не желая больше ни о чем думать, он принялся рассматривать резьбу на камнях, обрамляющих вход в Галерею. Время и ветра изрядно потрудились, сгладив края рисунков и некоторых надписей. Тем удивительнее выглядели на этом фоне четкие линии странных узоров над соседним входом – входом в тайный тоннель.

Отец рассказывал, что эти узоры были здесь всегда. Иначе говоря, даже до того времени, когда Хорик Великий приказал выбить в основании Сверкающей Вершины большую галерею, где велась бы Летопись жизни орелей.

Эта галерея строилась до сих пор. Умелые леппы пробивали её по спирали, уходящей вглубь горы. И подобное строительство могло продолжаться вечно. Но тайный тоннель – неизменный, довольно короткий и завершённый – существовал на Сверкающей Вершине испокон веков. И узоры над входом, несомненно, рассказывали историю его создания языком символов, которые орели почему-то забыли.

Внутри на стенах тоже были узоры, гигантские, замысловатые, но перемежающиеся рисунками более понятными. Донахтир хорошо запомнил изображение большого прямоугольника, исчерченного по периметру шестью прямыми линиями, в центре которого закручивалась спираль.

Сначала Донахтиру показалось, что спираль – это Галерея Памяти, а шесть линий символизируют шесть орелинских городов. Но отец объяснил, что рисунок очень древний и был нанесен на стену тоннеля задолго до того, как на Сверкающей Вершине появился первый город. К тому же, присмотревшись повнимательней, Донахтир разобрал на линиях спирали десять различных фигурок. Была здесь и крылатая фигурка ореля, и четырехногий нохр, и гард... Остальных Донахтир не знал, но его немного покорило то, что в центре спирали неизвестный мастер поместил почему-то фигурку бескрылого.

Правда, было в этом изображении нечто такое, что примиряло с ним молодого Иглона. Непонятно чем фигурка бескрылого вызывала отвращение, когда на неё смотрели. То ли потому, что попала она на какое-то отложение в стене, имеющее кроваво-красный цвет; то ли из-за угрожающей позы бескрылого, но Донахтиру сразу стало казаться, что спираль олицетворяет развитие зла, и бескрылый получался его сосредоточием. А усиливало это впечатление еще и то, что фигурка ореля была в том ряду самой последней, словно вылетающей из конечного витка спирали.

Следом за этим изображением, перетекая со стены на стену по закругленному потолку, были выбиты странные однообразные облака, густо слепленные и напоминающие скорее бесконечную небесную рябь. В этих облаках, раскинув руки в отчаянном призыве, явно гибли и орели, и нохры, и бескрылые, и те, кого Донахтир не знал.

Этот рисунок пугал его.

С детства зная о том, как погиб Дормат, Донахтир сразу представил, что странноватые облака – это сплошная ледяная пелена, сковавшая своим холодом всех, без разбора, и сбросившая их в какую-то глухую пропасть.

Смысл изображения не совсем был ясен. Но оказывалось достаточно пройти всего несколько шагов, как открывалась целая вереница рисунков, вселяющих надежду и гордость. На них престарелый седой орелин сначала выкладывал на вершину горы какой-то камень, а затем, судя по рисункам, камень этот разрастался, превращаясь в Сверкающую Вершину, а у его основания росло и множилось племя орелей.

Во всех этих изображениях Донахтир усмотрел определенную закономерность.

Если его догадка верна, и бескрылые сосредоточие зла, то в ледяной ряби все Живущие не столько погибли, сколько встали на свои места. Бескрылые пали на самое дно – на землю; другие тоже распределились где-то рядом; гарды и нохры заняли промежуточное положение на нижних ярусах гор, и только орели получили право оставаться в поднебесье.

Донахтир поделился своими соображениями с отцом, и тот признался, что и сам всегда так думал. «И мой отец, – говорил тогда Рондихт, – тоже считал, что орели и бескрылые противопоставлены друг другу. Но, что в действительности означают эти рисунки, мы не узнаем уже никогда».

Вспомнив эти слова, Донахтир невольно сжался.

Вот в чем, наверное, состоит Великое Сокровенное Знание – в тайне происхождения орелей, в смысле их существования, и в понимании того, почему жить они должны именно так, а не иначе.

У Донахтира зануло сердце.

Ни его отец, ни дед этого не знали!

Место, где следовало искать Растущие камни, подробно описывалось на стене тоннеля. Кое-какие общие правила, которым должен подчиняться Великий Иглоу, располагались там же. А то, что Рондихт передал сыну на словах, всегда вызывало в Донахтире ощущение какой-то незавершенности. Словно отсутствовало важное объединяющее звено.

Так, например, рассказывая об амиссиях, Рондихт объяснил, что пресловутое воздействие на них заключается в очень простой вещи. Не различая лиц орелей, они способны уловить тончайшие душевные настроения и самые сокровенные мысли. Поэтому любой орелин, искренне радеющий о благе своего народа, мог убедить их сделать что угодно. По какой-то непонятной причине амиссии были готовы ради этого на все!

Донахтира очень удивила подобная забота прорицательниц. Он всегда был уверен, что они живут своей собственной, обособленной жизнью, лишь изредка, в особых случаях, давая орелям мудрые советы. Во все остальное время никакая другая жизнь, кроме той, которую вели они сами, их не заботила.

Но теперь кое-что становилось понятным. Амиссиям несомненно была известна тайна происхождения крылатого племени и то, ради чего оно существует на Сверкающей Вершине. Видимо, это было настолько важным, что прорицательницы всеми силами стремились воспрепятствовать любым изменениям и осложнениям в жизни орелей. Точнее, оградить их ото всего опасного, что могло заставить отклониться от раз и навсегда заданного пути.

Это многое проясняло. Но перед Донахтиром вдруг с ужасающей ясностью встал вопрос: что же тогда стало с его отцом и дедом?!

Правитель, передавший власть и Знание преемнику, уходил к противоположному выходу из тайного тоннеля, вливаясь в Запредельный мир Великих Иглоу. Видимо, все они знали, что ждет их дальше. Но и об этом предки Донахтира не ведали! Как же тогда их приняли в ТОМ мире? Да и приняли ли вообще? Что если Рокзут, а следом за ним и Рондихт, канули в бездну, охваченные смертоносной ледяной рябью, как самозванцы, узурпировавшие власть?

Донахтир в ужасе отпрянул от разверстого зева тоннеля. В черной глубине, непроницаемой даже для зорких орелинских глаз, ему почудились две сверкающие точки.

Что это?! Глаза призрака? Но нет, он не может подойти так близко ко входу. Невидимая сила, более крепкая, чем любые оковы и запоры, удерживает его в самом сердце тоннеля, не давая выйти ни здесь, ни там. Донахтир просто слишком долго смотрел в темноту, вот и заплясали перед глазами светящиеся точки.

Великий Иглоу попятился к безопасному входу в Галерею Памяти, и там с облегчением услышал тяжелые шаги возвращающегося Дихтильфа.

– Вот, – пыхтя и отдуваясь, выдохнул Летописец, ставя перед Правителем довольно увесистую плиту, сверху донизу покрытую письменами. – Это именно та сторона, где Гольтфор

пишет о себе. Великий Иглон может спокойно читать. Здесь наверху я только сейчас заметил знак, которым мы обычно помечаем записи, предназначенные для Иглонов и старейшин. Как правило, это всевозможные справки и рекомендации – их мало кто читает. Так что, даже если эта плита и попадалась на глаза кому-то из ройнов, ему вряд ли пришлось в голову начать читать текст.

Донахтир присел, разглядывая записи.

Мелкие значки были очень четкими и уверенными, несмотря на то, что выбивала их старческая рука.

– Да-а, Гольтфору можно позавидовать, – протянул Дихтильф, словно прочитал мысли Правителя. – В столь преклонном возрасте суметь все это выбить, да еще и отнести так далеко!. Не думаю, что свои записи старик делал прямо в Галерее. Это привлекло бы внимание, да и времени на подобное требуется немало...

Великий Иглон рассеянно кивнул. Он уже начал читать и мыслями перенесся в далекие времена правления Дормата, поэтому не слишком внимательно слушал то, что говорил Летописец.

Текст на плите гласил:

«Перед лицом своих последних дней я – Главнейший Летописец и старейшина ройнов Гольтфор – хочу повиниться перед своим нынешним Правителем и облегчить душу покаянием. Признаю себя виновным в том, что проявил малодушное любопытство, не бежал, зажав уши, не прервал Великого Иглона Дормата и позволил ему высказаться передо мной до конца!

Это случилось в тот злосчастный день, когда Правитель собрал Иглонов Шести Городов на Малый Совет, чтобы обсудить с ними вопрос о своей женитьбе на Анхорине из Восточного Города.

Дормат пребывал в великом раздражении. Незадолго до того он вернулся от амиссий и был крайне возмущен их зловецим предсказанием. Иглон Южного Города Хеоморн пытался внушить Правителю, что мнение амиссий достойно уважения и всяческого внимания, но Дормат ничего не хотел слышать. За все время, что шел Совет, он не дал высказаться никому из Иглонов, обрывая каждого, кто советовал не спешить и отложить свадьбу до положенного срока.

Наконец, братья уступили, и решение, которое они приняли, я подробно описал в Летописи.

Однако вечером, когда Иглоны разошлись по своим покоям, мне вдруг стало не по себе. Огромное множество поколений орелей неукоснительно соблюдали установленный еще в древности порядок жизни. И Великий Иглон Дормат не должен был нарушать его ради собственной прихоти. Раз уж Иглоны оказались бессильны его вразумить, я решился на отчаянный шаг – пойти и именем древних Правителей заклинить Дормата послушаться голоса разума, а не сердца.

Великий Иглон был один и в глубокой задумчивости смотрел в небо, стоя у выхода на внешнюю террасу. Он милостиво позволил мне высказаться, но потом повел себя очень странно. Мои воззвания к рассудку Правитель высмеял, заявив, что его любовь никак не мешает назначению жизни орелей. «Мы всего лишь веер для вулканов, – презрительно говорил он, – и этот веер достаточно хорошо оберегают ото всего, что может его сломать или разобщить. Мои любовь и преждевременная женитьба никакого отношения к этому не имеют, и, следовательно, ничего испортить не могут!..» А потом, насмехаясь над каждым словом, Правитель стал рассказывать мне то, что я никогда не должен был узнать. Первым моим желанием было остановить его, но то, что я слышал, потрясло! Великий Замысел раскрывался передо мной во всей своей масштабности и разумности. Поэтому я никак не мог постичь причину пренебрежения, с которым Верховный Правитель о нем говорил.

Онемевший и словно прикованный к месту, выслушал я все Тайное Знание Великих Иглонов и удалился, не сказав ни слова. Уговаривать дальше не имело смысла. К тому же, перед лицом Великих Знаний мне тоже показалось, что преждевременная женитьба Великого Иглона вещь не такая уж и страшная.

То, что случилось после этого на Сверкающей Вершине известно всем орелям в мельчайших подробностях. Дормат женился, но вскоре потерял и жену, и детей, и даже собственную жизнь. А Генульф, уличенный в причастности к этим бедам, был наказан и изгнан.

Власть получил Хеоморн.

Мне нравилось его уважение к древним обычаям, нравилось, как почтительно относился он к обязанностям Великого Иглона. И за все это я простил Хеоморну неоправданную жестокость по отношению к Генульфу, хотя ещё долгое время казалось мне, что новый Правитель просто воспользовался случаем и свел счеты с братом, позволившим себе злые намеки в его адрес.

Генульф, в некоем озарении, догадался, что Дормат открыл кому-то Знание, и подозревал Хеоморна... Не стану скрывать, я бы вполне разделял его опасения, если бы не знал, кто на самом деле являлся недостойным слушателем. Однако, слово амиссий, признавших, что к ним действительно прилетал какой-то злоумышленник, а, пуще того, брошь Иглона, принадлежащая Генульфу, сильно меня озадачили.

Не желая очернить память погибшего Правителя, я отказывался даже думать о том, что он мог открыть Знание кому-то еще. Поэтому предположил, что Генульф просто случайно подслушал нашу беседу и, поскольку я все время молчал, решил, что собеседником Дормата был Хеоморн.

Кто именно летал к амиссиям мне не ведомо. Но, кто бы им ни был, я, владеющий Знанием, уверен – он сделал это из самых искренних побуждений, возмущенный легкомыслием Правителя и тем пренебрежением, которое он выказывал Великой Тайне. Однако, когда Генульфу предъявили обвинение и допытывались, где находятся наследники, сильное волнение и малодушная трусость, вызванная непониманием того, что происходит, помешали мне быть убедительным в попытках заступиться за Иглона Северного Города. А сам он молчал и не пытался оправдаться или опровергнуть обвинение.

Ужасное наказание, последовавшее за этим, надолго отвратило меня от Хеоморна. Крепя сердце, подал я свой голос за утверждение его Великим Иглоном. Но делать было нечего – Генульф принял наказание так, словно заслужил его, а из оставшихся Иглонов никто больше не обладал нужными качествами в той мере, в какой ими обладал Хеоморн.

Впрочем, сейчас я об этом не жалею. Время показало, что новый Иглоном правил достойно.

Но собственная вина по сей день жжет мое сердце, как беспощадное солнце выжигает все, что слишком близко подступает к его свету. То, что недостойный оказался посвящен в Великие Тайны, несомненно, стало одной из причин всех наших бедствий. Ничего подобного впредь повториться не должно. Хеоморну я так и не решился открыться, но и уносить с собой Знание в жерло вулкана тоже не имею права! Поэтому, ради нынешнего Правителя – разумного и мудрого Великого Иглона Рокзута – и ради того, чтобы никакие беды не посещали больше Сверкающую Вершину, решил я сделать эти записи с тем, чтобы Великое Знание по-прежнему передавалось от Правителя к Правителю.

Свой труд мне придется завершить еще одним проступком. Эту плиту я, вопреки запретам, принесу в тайный тоннель и там оставлю. А, когда Великий Иглоном Рокзут приведет туда своего преемника, пусть он простит меня и, учитывая ошибки правления Дормата Несчастливого, читает дальше...»

На этом записи обрывались.

Точнее, заканчивалась одна сторона плиты. Но переворачивать её Донахтир не стал. Все и без того было ясно – его решение лететь к амиссиям подтверждал далекий голос умершего

Летописца. Только они одни могли, (если бы, конечно, сочли это возможным), открыть ему Великое Знание Иглонов. И только от них мог Донахтир его теперь принять.

– Ну, как? – осторожно спросил Дихтильф, видя, что Донахтир дочитал.

– Мы должны довести дело до конца, – ответил Правитель.

Он встал, не отрывая глаз от последних слов на плите, немного подумал и легко подхватил её на руки.

– Пожалуй ты прав, Дихтильф, не стоит нам, двоим, заходить в тайный тоннель. Сначала я думал оставить эти записи недалеко от входа, но теперь считаю, что их нужно отнести подальше, к самому сокровенному месту.

Летописец облегченно выдохнул.

– Мудрое решение, Правитель, – пробормотал он, почтительно отступая.

Донахтир перехватил плиту поудобнее и без колебаний шагнул в черную пасть тоннеля.

* * *

Рассвет, лениво потягивающийся над краем бесконечных гор, застал Летописца сладко спящим перед входом в Галерею Памяти.

Всю ночь несчастный Дихтильф мерил шагами узкую площадку, недоумевая, что могло так задержать Великого Иглона?! Сначала он терпеливо дождался на большом валуне, любовался появившимися звездами и обдумывал потрясающую новость, рассказанную Донахтиром сегодня днем. Благо для размышлений пищи хватало. Как всякий орель, Дихтильф не мог не радоваться тому, что дети Дормата выжили. Но мысль о переходе власти в их руки почему-то не радовала... Но потом, растущее беспокойство вытеснило из головы Летописца все другие мысли. Судя по положению луны, Донахтир отсутствовал уже несколько часов! Это можно было понять, если бы он ушел в Галерею Памяти – там действительно недолго заблудиться, блуждая по завораживающимся коридорам и многочисленным ответвлениям, и такое нередко случалось, когда какой-нибудь несведущий орель забредал туда в поисках сведений о своих дальних родственниках. Но в этих случаях достаточно было позвать любого из ройнов, и бедолагу очень скоро выводили наружу.

Сейчас был не тот случай. Великий Иглон ушел туда, где по слухам был только прямой и недлинный тоннель, в который никто больше не смел заходить. И Летописцу, изнывающему от беспокойства, ничего другого не оставалось, кроме как сидеть, ждать и строить разные предположения.

Он долго напряженно прислушивался к мертвой тишине в тоннеле, надеясь услышать хоть что-то, и не заметил, как заснул, уткнувшись лбом в округлый завиток на камне. Ласковый рассветный ветерок легко скользнул по щеке спящего, пробежался по его одежде, и вдруг испуганно отпрянул – из жерла тайного тоннеля вырвался душный порыв ветра, похожий на выдох гигантского чудовища. Он мгновенно стих, и тут же, щурясь на тусклый свет, едва забрезживший на горизонте, в проеме входа появился Донахтир.

Летописцу очень повезло, что он заснул и не стал свидетелем этого зрелища.

Страшная бледность в лице Великого Иглона испугала бы кого угодно. Правитель пошатывался, как после тяжелой болезни или неравной схватки, но вид имел решительный, будто в этой неравной схватке он все-таки одержал победу.

Осмотревшись вокруг, Донахтир заметил спящего Летописца, и устало опустил его возле него на камни.

То, что Дихтильф заснул, было на руку Великому Иглому. Сейчас менее всего ему хотелось что-то объяснять. Впереди предстоял нелегкий разговор с амиссиями, поэтому Донахтир рассчитывал просто дождаться, когда его спутник проснется, объявить ему, что намерен отпра-

виться в сторону Тихих Гор и сразу же улететь. Встреча с прорицательницами не требовала отлагательства.

Правитель поудобнее устроился возле стены, соединяющей оба входа, и, привалившись к ней, закрыл глаза.

Он чувствовал себя наредкость уверенно, потому сразу прогнал из головы всякие мысли. «Чем больше думаешь о чем-то, тем больше в этом запутываешься, – в полудреме сам себе прошептал орель. – Мудрый не тот, кто без конца копается в проблеме, размышляя, что будет, если он поступит так или этак. Мудрый тот, кто сразу видит правильное решение. А оно всегда лежит на поверхности – нужно только суметь его отличить...»

Летописец сонно завозился, и Великий Иглон с готовностью раскрыл глаза.

Нет, еще рано. Дихтильф всего лишь передвинул голову. След от каменного завитка, на который он опирался, красной вмятиной украшал его лоб.

Донахтир улыбнулся.

Неизвестно почему, на память вдруг пришло то утро, когда растерянный и напуганный он вышел на эту самую площадку дожидаться своих подданных. Первое утро его правления... Как же он тогда боялся! И, как быстро ушел из него весь страх, когда гордость за орелей вытеснила все остальные чувства!. Правитель невольно посмотрел в сторону Шести Городов и попытался вызвать в памяти то, прежнее, видение – гигантские серебристые стаи, поднимающиеся на пустынными горами.

Тогда он ведь тоже испытывал сомнения, и тоже решил лететь к амиссиям. Правда, сомнения были иного толка, да и не знал Донахтир многого из того, что знает сейчас, но, по сути, и тогда, и теперь мучает его один и тот же вопрос – достоин ли он?

Правитель почувствовал, что не может больше сидеть спокойно. Ощущение утекающего в пустоту времени заставило его подскочить и несколько раз энергично взмахнуть руками, чтобы разогнать наваливающуюся дремоту.

Вдруг Донахтир замер. Со стороны Шести Городов, повторяя только что вызванное им видение, поднималась над горами небольшая группка орелей.

Скосив глаза на спящего Летописца, Донахтир осторожно, чтобы не разбудить его, расправил крылья и полетел им навстречу.

– Благодарение этому счастливому дню, Правитель, с тобой все в порядке! – еще издали закричал сын Ольфана Крастан, бывший на этот год предводителем саммов. – Иглон Восточного Города послал нас сюда! Он волнуется, и не спал всю ночь!

– Все хорошо, – успокоил Донахтир. – Вы прилетели, как нельзя кстати. У входа в Галерею Памяти спит Дихтильф. Я не хочу его будить – бедняга не спал почти две ночи, но и сидеть здесь дольше уже не могу. Оставайтесь с Летописцем, а когда он проснется, передайте, что я в добром здравии и абсолютной уверенности отправился в сторону Тихих Гор.

– Великий Иглон летит к амиссиям, – сразу догадался Крастан. – Но разве мы не должны сопровождать тебя?

– Нет, – отрезал Донахтир. – Это не визит Верховного Правителя. Я лечу туда, как простой орель, желающий получить совет. Свита мне не требуется.

Саммы неуверенно переглянулись. Все стало идти не так на Сверкающей Вершине. То Великий Иглон улетает с одним только старейшиной ройнов, не поставив их в известность; то оставляет их снова и отправляется в путь совсем один, тогда как по всем правилам должен даже по городу летать со свитой... Но приказ Донахтира – закон. И, как бы там ни было, а саммы сразу поняли – Великий Иглон знает, что делает, и потому не произнесли ни слова. Ничто так не убеждает и не вселяет надежду на лучшие времена, как вид уверенного в себе Правителя. Особенно теперь, когда все стало так непонятно и запутанно...

Крастан низко поклонился прямо в воздухе и, махнув остальным, полетел ко входу в Галерею Памяти. Саммы один за другим потянулись следом, склоняя головы перед Донахтиром.

«Отлично! – подумал он, разворачиваясь на Восток. – Видимо, Судьбе угодно, чтобы я летел к амиссиям как можно скорее, потому она и не заставила меня терять здесь время и дальше, дожидаясь пробуждения бедняги Дихтильфа!»

Донахтир оглянулся на саммов, опускающихся в некотором отдалении от спящего, мысленно похвалил их за деликатность и, приветливо помахав рукой, решительно направился в сторону Тихих Гор. Конечно, его официальная свита будет несколько удивлена этим дружеским жестом, совсем не свойственным Верховному Правителю, но сегодня Донахтиру ужасно захотелось хоть немного высвободиться из узких одежд этикета. Легкость от решений, принятых ночью, давала ему такое право. А самое главное... но нет! Об этом Донахтир пока думать не станет. Пока... А потом... потом – видно будет.

Великий Иглон набрал высоту и полетел к границам своих владений.



Возле пещеры амиссий все оставалось по-прежнему, кроме одного: исчез молот, которым следовало ударить по камню, чтобы дать знать о себе прорицательницам. Донахтир искал его повсюду и даже слетел вниз, решив, что молот, каким-то чудом, упал с площадки. Но ущелье внизу было слишком глубоким, чтобы отыскать в нем хоть что-то, да и молот, насколько он помнил, держался возле камня на толстой крепкой цепи, сделанной нохрами. Цепи этой тоже не было, и только углубление, из которого она выходила, темнело в огромном камне.

Донахтир в отчаянии опустился на него. Что все это могло означать? Неужели таким образом Амиссии дают понять, что не желают с ним разговаривать? Но почему?.

Он не успел ответить на этот вопрос, как вход в пещеру сам собой раскрылся, и из него выплыла амиссия, такая же, как всегда – укутанная в странные одежды, с лицом, на котором отсутствовало какое-либо выражение.

Великий Иглон немедленно подскочил и низко поклонился.

Амиссия скользнула к нему, но остановилась в некотором отдалении, полуприкрыв глаза и сцепив руки, на которых тихо звякнули многочисленные браслеты. Подол её одежд колыхался в едва заметном отдалении от земли, из-за чего казалось, что прорицательница все еще движется. Поэтому Донахтир не сразу сообразил, что может уже говорить, и затянул неловкую

паузу. Все обусловленные этикетом слова вылетели из его головы, и вместо них наружу вырвалось только невнятное бормотание:

– Я искал молот..., куда-то он делся... Я боялся, что вы не хотите говорить...

Вместо ответа амиссия повела рукой, и молот неспешно появился, словно движение прорицательницы разогнало густой туман, укрывающий его.

Донахтир страшно удивился и вдруг поймал себя на том, что совершенно не знает, как начать разговор. Спеша сюда, он воображал уже самую беседу, а о том, что скажет при встрече с амиссией, как-то не думал. Ну, не начинать же, в самом деле, прямо в лоб: «Расскажи мне о Великом Знании...» Хотя, почему нет? В конце концов он за этим и прилетел. Да и амиссия вряд ли захочет терять время на пустые любезности и разговоры вокруг да около.

Великий Иглоу набрал побольше воздуха, но произнести ничего не смог. Тихий голос прорицательницы словно прошелестел у него прямо в голове.

– Почему ты не стал читать то, что написано на той плите?

Донахтир вздрогнул. Что она имеет в виду? Неужели записи Гольтфора? Но откуда?! Когда успела узнать?!!!

– Говори же.

Темные бездонные глаза смотрели в упор и требовали ответа.

Донахтир окончательно растерялся, но все же нашел в себе силы пролепетать:

– Я?. Как я мог? Я недостоин... Раз живы подлинные Иглоны...

Амиссия, не дослушав, резко передернула плечами.

– Недостоин? Что ж, ты сам за себя все решил. Незачем было и прилетать.

Она развернулась и поплыла ко входу в свою пещеру.

У Донахтира на миг остановилось сердце.

Она что, уходит?!

Но, как быть ему? Как вернуться обратно, к тем, кому он наобещал избавление от сомнений? Как вернуться к самому себе, не получив ответа на вопросы, которые переполнили его, как Серебряная Вода переполняет чаши? Он больше не может носить их в себе и мучиться, мучиться, мучиться...

– Постой! – закричал Донахтир, чувствуя, что вместе с амиссией уходит его последняя надежда.

– Постой, – с отчаянием повторил он уже тише.

И амиссия остановилась.

– Я хочу кое о чем спросить.

Донахтир страшно волновался. Из тысячи неразрешимых вопросов тот, который пришел ему на ум, был недопустим для ореля. В чем-то он был даже крамольным, но Великому Иглоу казалось, что сейчас ничего более важного чем ответ на этот вопрос не существует.

– Скажи мне, почему Великое Знание держится в такой строгой тайне?

Амиссия обернулась и – о чудо! – её обычно бесстрастные глаза сузились, как будто под своими покрывалами прорицательница широко улыбнулась.

– Наконец-то, – донеслось до Донахтира. – Ты не представляешь, как долго мы ждали, когда какой-нибудь Правитель Летающих задаст нам этот вопрос! И вот ты спросил. И теперь я буду говорить с тобой.

С непривычной резвостью амиссия вернулась к Великому Иглоу, села на камень и помянула его присестом рядом. Темные глаза ненадолго задержались на побелевших шрамах раненой руки.

– На твой вопрос одним словом не ответишь, и мне придется рассказать очень длинную историю. Но прежде скажи, что ты чувствовал, когда лечил сам себя?

Донахтир задумался.

Что он чувствовал? Блаженство, как во время спокойного полета? Да. Но было в его ощущениях и еще кое-что. Словно кто-то вдруг стал напевать мелодию, вроде бы ему незнакомую, но которую узнаешь с каждым новым звуком, как слышанную когда-то много и много раз.

– Странные были ощущения – словами не выразишь, – признался он. – Показалось, что когда-то я уже такое испытывал, хотя и уверен, что ничего подобного со мной не происходило.

Донахтир покосился на амиссию, уверенный, что разочаровал её своим ответом, но прорицательница повела себя очень странно. Она вдруг дотронулась до руки Иглона, от чего он вздрогнул, и радостно произнесла:

– Хорошо. Очень хорошо!

А потом посмотрела Донахтиру прямо в глаза, и он явственно услышал в своей голове её голос:

– Не хочешь поговорить со мной на самом древнем языке? На языке Великого Знания? Попробуй, у тебя должно получиться.

Орелю стало немного страшно. Он же видел, что амиссия не произнесла ни слова, только смотрела. Откуда тогда доносится её голос?

– Ты слышишь не голос. Ты слышишь мысли, – тут же отозвалось в голове Донахтира. – Точно так же, как я слышу твои. С той лишь разницей, что ты думаешь сумбурно, отрывисто, а я, обращаясь к тебе, складываю мысли в законченные фразы.

– Но, как так можно?! – воскликнул Донахтир.

– Можно. Это легко. И когда-то все Живущие общались только так. И лечить себя умели... Ты, верно, думаешь, что чудодейственная сила заключена в твоих белых перьях? Но она в твоих мыслях. И только этим ты себя и вылечил. Ваши ольты сохранили кое-что из утраченных способностей, но плзуются тем, что имеют, неосознанно. Поэтому лечение их не всегда приносит желаемые плоды. Точно так же, как все вы сохранили умение усмирять вулканы, но не отдаете себе отчета, как у вас это получается. А вот если бы к силе энергии добавить еще и силу мысли... Но, увы! С той поры, как погибли Создатели Живущих, Великое Знание открывается лишь единицам...

Донахтир затаил дыхание. По тону, каким амиссия произнесла последнюю фразу, он догадался, что сейчас последует главное повествование, поэтому придержал рвущиеся с языка вопросы.

– Знаешь ли ты, Летающий, как красива земля, на которой мы живем? – заговорила прорицательница. – Нет, вряд ли ты знаешь об этом. Кроме гор, что еще могли видеть твои глаза? А ведь там, внизу, есть места такой красоты, какую и не выразишь, если не видел. И сердце, при виде этих мест, замирает так же, как и здесь при самом нежном рассвете и самом величественном закате. Потому-то десять Звездных Странников, сойдя на землю и увидев её красоту, так и не смогли уйти.

Эти Странники – жители безграничной Вселенной. Исполины мудрые и чистые. Бессмертные, пока они чисты и разумны... От звезды к звезде путешествовали, подобно другим, таким же, как они, слушали голоса Живых Планет и наслаждались гармонией их созвучий.

Земля восхитила своей мелодией. Но безмерно опечалило то, что все здешние живые существа оставались глухи к музыке Великой Вселенной. И, не слыша звезд, окружающих Землю, не могли добавить к их голосам свой голос, а вели жизнь пустую, подчиненную одним инстинктам. От рождения до смерти только две заботы – добывание пищи и продолжение рода. Поэтому, желая во всем видеть законченность и совершенство, решили Звездные Странники дать Великое Знание этим существам, чтобы Земля смогла зазвучать в общем хоре в полную силу.

Из пойманного в космических просторах обломка какой-то потухшей звезды создали они дивный остров на глади самого большого океана. Воспроизвели на нем земные леса и равнины,

взяли из земных Живущих десять разных видов и, вложив в каждого частичку самих себя, положили начало новой Жизни, которую уцелевшие Знающие зовут сейчас Изначальной.

Чудесное это было время! Десять племен удались на славу. Были там и ваши предки – прекрасные Летающие. Были Скачущие, те, кого вы зовете нохрами, и Ползающие – гарды. Были клыкастые Сфинксы, мудрые Плавающие, нежные Порхающие. Были Грызущие, Роющие, Многоногие. Был и Человек – Бескрылый по-вашему.

Из всех Живущих Человека выделили особо. Единственный, он был лишен всего – умения летать, плавать, скакать. У него не было клыков и когтей; не было гибкого изворотливого тела и защитной брони. Проще говоря, он был лишен слишком многого. И Старший Странник вложил в Человека частичку самого себя, чтобы проверить уравнивает ли Великое Знание это пугливое, незащитное, дикое существо со всеми остальными.

Результат превзошел все ожидания!

Человек развился столь стремительно, что очень скоро все первое поколение этого племени стало обладать возможностями, превосходящими возможности всех остальных.

Именно Человек, как постигший до конца Великое Знание, первым покинул остров Изначальной Жизни и расселился по Земле заботливым хозяином...

– А орели? – не сдержался все-таки Донахтир.

– погоди, дойдем и до вас. Вы тоже расселились по Земле и какое-то время жили на равнинах и в лесах, бок о бок с остальными Живущими. Но Звездный Странник, чья частица горела в вас, был буквально покорен земными горами и, любя их за вознесенность к небу, мечтал расселить свои создания именно на горных склонах. Ради этого, он удалился сюда, чтобы все подготовить. И, уже в первую эпоху после Изначальной Жизни, большая часть Летающих покинула Низовье и присоединилась к своему Создателю. Это вас впоследствии и спасло... Но пока позволь мне закончить о Человеке. Ведь именно из-за него произошли те страшные события, которые и лишили Живущих Великого Знания.

Тебе, наверное, сложно по одним моим словам понять, что значит жить Знающим? Вы, теперешние, смотрите за пределы Земли и видите лишь бескрайний голубой простор днем и глухую черноту, украшенную точками созвездий, ночью. Но Знающий смотрел по-другому. Постижимый голос Вселенной он впитывал в себя, благодаря обретенным возможностям. И излечение усилием воли, и мысленное общение были всего лишь обыденными пустяками. Разве можно их сравнить с умением, подняв глаза к небу, внутренним взором приблизить к себе любую звезду?! И не просто приблизить, а еще и рассмотреть Жизнь, идущую на ней или внутри неё! Знающий это мог. И в ночной черноте он различал не только таинственную мелодию, но и всевозможные оттенки событий, как происходящих, так и тех, которые уже произошли, и даже тех, которые еще только произойдут...

– Это, как за вашими окнами! – воскликнул восхищенный Донахтир.

– Да, похоже. Но за нашими окнами лишь следы чьих-то поступков. А Знающие видели Жизнь в полном объеме. Они чувствовали таинство её хода не только в далеких звездах, но и в каждом камне, цветке или струе воды здесь, на Земле. Заходя в лес, слышали голоса деревьев, и точно знали, которое из них болеет, в котором созрели семена, а которое только-только прекратило свой рост и готовится постепенно перейти в другое состояние.

Кстати, именно так: «перейти в иное состояние» называли в Первую эпоху уход из жизни, или смерть.

Впрочем, для Знающего смерти не было вообще. Покидая тело, которое больше не могло развиваться, высокий Разум лишь получал еще одно познание, обозревал Иной мир и, обогащенный, возрождался в теле новом, только что рожденном. Поэтому своих младенцев Знающие воспринимали как мудрецов, видевших то, что сами они ещё не видели. А о тех, кого уже не было рядом, думали с легкой завистью. Они ведь уже перешли некий рубеж, разделяющий

миры, раскрыли тайну Бытия и Небытия. И, уверяю тебя, Летающий, каждому открывалась тайна своя, определенная всей его завершённой жизнью, и потому отличная от других.

Прекрасная жизнь!

Конечно, когда-нибудь она бы претерпела изменения, поскольку ничего вечного и неизменного не существует. И Звездные Странники это понимали. Но они считали, что любые перемены будут идти от Великого Знания и Чистого Разума, и совершенно не подготовились к тому, что произошло.

А произошло худшее из всех мыслимых вариантов.

В каждом новом поколении Человека, наряду с множасьимися познаниями, всё явственнее стали проступать черты того племени, из которого он был взят. Возможно, сказался дикий страх, которые слабые существа испокон веков испытывали перед своими клыкастыми и когтистыми соседями. И страх этот, будучи самым сильным переживанием народа, обреченного на истребление, не исчез до конца даже при Великом Знании. Более того, обогащенное этим Знанием, трусливое чувство, со временем, переродилось во зло. И надеждам Звездных странников пришел конец.

Зло всегда требует действия. Оно ненасытно, потому что именно действием продляет свой род...

Сейчас уже и не определить, что послужило началом таким действиям. Самым вероятным мы сочли то, что кто-то из Живущих по роковой случайности причинил человеку вред. И по той же роковой случайности пострадавшим оказался тот, в ком уже перемешались первобытный Страх и Великое Знание. И Человек тут же нанес ответный удар. Удар более весомый, потому что нанесен он был обдуманно. А когда в глазах обидевшего его тоже промелькнул страх, и страх еще больший, Человек ощутил могущество и удовлетворение, не испытываемые прежде. Природа их была иной и оказалась она, как ни странно, более привлекательной.

Злу вообще очень легко подчиниться. Поначалу оно всегда что-то дает тому, кто действует во благо его. Человеку была дана иллюзия превосходства. Шаг за шагом двигался он к своему вырождению, искренне полагая, что движется к какому-то новому величию. Но путь этот выстлала ошибки, которые усиливали раздражение Человека к остальным Живущим. А потом раздражение это распространилось и на самих Создателей.

Сильному можно ошибаться. Сильный признает свои ошибки и исправляет их. Слабый же начинает искать виноватых.

По мнению Человека самыми виновными были Странники за то, что наделяли Знанием без разбора. И он решил исправить их ошибку так, как сам счел нужным.

Поначалу его действия можно было принять за досадные промахи пытливого Разума. Казалось, что простого чувствования Жизни для тех, кого вы называете Бескрылыми, было мало. Им требовалось рассмотреть всё изнутри, чтобы убедиться, что всё именно так, как они чувствуют. И, доказывая попутно своё превосходство перед остальными, Человек среди всеобщего созидания принялся разрушать.

Для него не было зазорным отломать у живого дерева ветку, чтобы рассмотреть её внутреннее устройство. Ничего страшного не видел он в том, чтобы с помощью своих невиданных возможностей расколоть вековую скалу и её обломком перекрыть русло полноводной реки, а потом наблюдать за последствиями совершённых перемен. В результате очень скоро и леса, и горы, и воды навсегда замолчали для Человека. Но его это не смутило. Как не смутило и растущее недоумение перед бессмысленными действиями у остальных Живущих. Не считаясь ни с кем, Человек постепенно обособился. И, когда изумленные Странники снова обратили взор к своим созданиям, прежнего единения между племенами не было и в помине.

– Снова обратили свой взор? – переспросил Донахтир. – Но, где же они были все это время?

– Разумеется, на Земле, – амиссия слегка нахмурилась. – Просто, как заботливые отцы, они были заняты обустройством мест обитания для своих детей. Ваш Создатель трудился здесь, в этих горах. И, поверь, нужно было приложить немало усилий, чтобы среди холодных, заснеженных вершин создать целый остров тепла и не нарушить при этом извечный природный баланс. То же происходило и в лесах, и на равнинах, и в глубинах морей. Везде Звездные Странники бережно и терпеливо обустроивали Землю. И самый Старший, тот, что создал Человека, трудился, не покладая рук. На тщательно выбранных местах возводил он величественные сооружения по форме крупных созвездий, и учил тех, в ком Страх еще не поднял голову, с помощью этих сооружений не только слышать звезды, но и говорить с ними.

Он вообще слишком многим одарил Человека, любя и балуя его, как ребенка слабого и незащитного. Одарил даже отличительными особенностями каждого из Живущих, так что Человек мог на равных с Плавающими опускаться в морские глубины и подниматься в воздух не хуже вас, Летающих, одним только усилием воли. Старший Странник хотел добра, но лишь подогрел растущее в Человеке чувство превосходства.

– Но, как же все эти Создатели не рассмотрели, что всё стало развиваться не так, как они хотели?

– А думаешь это легко было сделать? Разве ты сам смог распознать зависть, растущую, скажем, в старейшине Гнездовища?

– Зависть?! Неужели он нам завидовал? – Донахтир был искренне удивлен. – Нет, я ничего такого не заметил. Но...

– Никаких «но», – отрезала амиссия. – Ты не заметил, потому что сам никогда подобного чувства не испытывал. Так же и Странники не смогли распознать зло, потому что раньше никогда с ним не сталкивались. А как бороться с чем-то, о чем не имеешь никакого понятия? Особенно тем, для кого и само слово «борьба» звучало ново и бессмысленно. Они даже толком не успели разобраться в том неладном, что стало происходить. Зато Человек быстро нашел способ погубить их всех.

– Но как?

– Убийство! – с отвращением выдохнула амиссия. – Страшнейшее и недопустимейшее из зол! Желая остаться единоличным хозяином Земли, Человек воспользовался данными ему неизмеримыми возможностями и вторгся в пределы обитания других Живущих, тесня и подавляя их. Создатели попытались вмешаться, уговорить... Но, демонстрируя им свою возросшую мощь и непреклонность решения, Человек попросту уничтожил нескольких Живых...

Амиссия замолчала. Длинные бледные пальцы её рук слегка подрагивали. И Донахтир заметил, что сверкающие кольца, которыми они были украшены, как-то сами собой потухли.

– Ужасно, правда? – прошептала амиссия. – Одно лишь упоминание об этом злодействе заставляет потухнуть живой свет древних камней в моих кольцах. Каково же было чистейшим душам Звездных Странников!

Нет, конечно, дикие земные существа убивали и пожирали друг друга, чтобы выжить и прокормить своё потомство. Но для того и были созданы Живущие, чтобы очистить воздух Земли от грубых отголосков этих вынужденных убийств. А, что получилось? Свершились убийства еще более страшные, потому что были они бессмысленные и расчетливо жестокие. И души Звездных Странников не устояли. Никогда не испытываемые ужас, страх и отвращение заползли в них, подобно отраве. Создатели стали задыхаться и гибнуть один за другим. А следом тускнели и угасали частицы, вложенные ими в свои создания. Увы, прошло еще слишком мало времени, и они не успели окончательно срастись с Живущими и стать их частью. А с угасанием энергии этих частиц ослабел и Высокий Разум, и дверь к Великому Знанию стала закрываться...

Амиссия снова замолчала, глядя остановившимся взглядом в сторону Сверкающей Вершины. Казалось, она вообще больше не заговорит. Но прилетевший откуда-то порывистый короткий ветерок дернул её за одежды, словно приводя в чувство.

– Да, да, я найду в себе силы рассказать, что было дальше, – пробормотала прорицательница. – Но вспоминать об этом так тяжело!

Она горько вздохнула, разгоняя задумчивость, и обратила взор на притихшего Донахтира.

– Только не думай, Летающий, что все из племени Человека сделались вдруг злобными и жестокими. Очень многие еще оставались чисты и сохранили данные им Знание и Разум в неприкосновенности от злых деяний. Тем ужаснее было Старшему Страннику взирать на всё происходящее. Он любил Человека, как собственное дитя; в нем еще не успели умереть надежды на прекрасное будущее Земли. Но горькая правда была уже слишком очевидна. Зло требовало действия. Создатели гибли, и вид их почерневших, стонущих от горя душ заставил Старшего решиться на отчаянный шаг.

Подняв на высокую скалу огромный камень, Создатель Человека оборвал свой жизненный путь и заключил в каменные оковы свою бессмертную душу. А затем камень этот сорвался со скалы и разбился внизу на несколько кусков. Тут же мощь Человека стремительно стала убывать. Растерянный и жалкий, беззащитный, как прежде, остался он перед лицом осиротевших по его прихоти Живущих, на теле разгневанной Земли. Гибель бережливых и заботливых Странников разом отвратила её ото всех, кому еще недавно дарила она свои богатства.

Земля восстала!

Воды рек и морей вздыбились, горы задрожали, изрыгая пламя, и Великое Разрушение понеслось по прекрасным некогда местам.

– А, как же орели? – в ужасе прошептал Донахтир, перед глазами которого вдруг встала картина со стены Тайного Тоннеля. Та, на которой орели, гарды, нохры, Бескрылые и многие другие гибли в каких-то бурлящих потоках.

– Вот теперь и пришло время поговорить о Летающих, – сказала амиссия. – Как я уже сказала, уход в горы спас и вас, и вашего Создателя. Но лишь от губительного воздействия Человека, потому что до гор он не успел добраться. Однако, Великое Разрушение, прокатившееся по земле, затронуло всех. Ваш Создатель – последний оставшийся в живых из Странников, толком не понимая, почему вдруг начался весь этот ужас, бросился спасать всех, кого мог. Орели, еще не утратившие светлую энергию частицы, тоже вытаскивали из губительных вод все живое. Но горящие камни и огненные плевки, летящие с разгневанных гор, сбивали и их.

Многие Летающие тогда погибли. Но и многих Живущих удалось спасти с их помощью. И тогда Земля стала утихать. Словно бескорыстная отвага и беспристрастное сочувствие Летающих пристыдили её. Воды вернулись в свои берега, горы успокоились, и потоки их огненных слез постепенно начали остывать и каменеть.

Ах, если бы в том Разрушении погибло бы и все зло мира! Но нет! Оно выжило и затаилось слишком во многих сердцах. И теперь уже далеко не все эти сердца были человеческими.

С беспредельной грустью смотрел Последний Странник на обломки былой Жизни. В своем великом прозрении увидел он то, что произошло и то, к чему это приведет в будущем. Но помочь уже ничем не мог. На всей Земле только орели оставались такими, какими и были задуманы. Но Последний понимал, что это ненадолго. Испытывая нестерпимую боль, собрал он обломки разбитой души Старшего и раздал их выжившим племенам, как напоминание об Изначальной Жизни, хотя и понимал, что сейчас им нужнее всего противоядие от зла...

Ваш Создатель еще мог спастись сам. Мог покинуть Землю и снова стать звездным Странником. Вряд ли Вселенная осудила бы его за это. Но чувство долга не позволило.

И тогда Последний растворился в атмосфере Земли незримым, но всепоглощающим чувством – чувством Любви. Чтобы у каждого, кто его вдохнет, был шанс побороть зло хотя бы в самом себе...

Вселенная отгородила Землю траурным покрывалом, сквозь которое пробивается только безмолвный свет далеких звезд. Но, прежде чем этот полог опустился, сюда пришли мы – Оберегающие и Наблюдающие. Те, кого вы зовете амиссиями.

Что мы можем, и чего не можем я говорить не вправе. Но, думаю, ты и так догадался, что одной из наших забот является забота о вашем племени. Это было известно Иглонам всех поколений и записано на той плите, которую ты не дерзнул прочесть, полагая, что там содержится запретное Великое Знание.

– Как это «полагая»? – изумился Донахтир. – Разве его там не было?

– Конечно же, нет, – бесстрастно, как всегда, сказала амиссия. – Неужели ты так и не понял, что Великое Знание невозможно передать ни записями, ни словами.

– Но ведь Дормат рассказал, а Гольтфор услышал...

– Дормат не получил Великого Знания... Точнее, получил, но не воспринял, как должно.

Амиссия поднялась, и Великий Иглон на короткое мгновение ощутил ужас от того, что она сейчас уйдет и оставит его разбираться во всем самостоятельно. Ах, не надо было спрашивать эту глупость про записи Гольтфора! Она теперь наверняка решила, что зря потратила время на беседу с таким бестолковым орелем.

Но амиссия всего лишь повела руками, и молот вместе с цепью снова исчез, а воздух вокруг Донахтира и самой прорицательницы вдруг уплотнился настолько, что сквозь него все вокруг стало казаться мутным, едва очерченным.

– Сейчас сюда придет нохр, – пояснила амиссия. – Ему не нужно видеть нас. Я знаю, о чем он хочет говорить, но пока не будут ясны последствия нашей с тобой беседы, мне нечего ему сказать.

Почти тут же, откуда-то снизу, на площадку перед пещерой прорицательниц действительно выскочил нохр. Он был такой древний, что поредевшая шерсть кое-где напоминала белый невесомый пух. Но двигался этот старец, тем не менее, очень резво, видимо, подгоняемый беспокойством, которое читалось на его морщинистом лице.

Как и Донахтир до него, нохр растерянно завертел головой в поисках молота. Затем посмотрел на вход в пещеру, сокрушенно вздохнул и, теперь уже не резво, а с большим трудом, спустился туда, откуда пришел.

– Как он смог забраться так высоко?! – воскликнул Донахтир, когда полупрозрачный туман вокруг них с амиссией снова развеялся.

– Ты же знаешь, что нохрам ведомы тайные тропы, которые выводят в самые неожиданные места, – ответила прорицательница. – Одна такая тропа ведет к нам. Нохры, как и вы приходят иной раз за советом, и мы охотно им помогаем. Скачущие, как никто, сохранили память об Изначальной Жизни и Великом Знании. И пользуются этой памятью, пожалуй, мудрее всех остальных Живущих. Мне будет очень жалко, когда они уйдут...

Донахтир страшно удивился. До сих пор среди орелей нохры считались существами не самыми разумными. Но, подумав так, Великий Иглон устыдился. В конце концов, откуда им знать? Нохров приглашали раз в году, и суждение о них составили, исходя из молчаливости и некоторой неповоротливости громоздких гостей. Выходит, и сами орели не столь уж безупречны, раз судят опрометчиво и поверхностно...

Донахтир запнулся. Он вдруг заметил, что думая составляет мысли в законченные фразы, как если бы произносил их вслух. Да и амиссия смотрела на него так, как смотрит слушающий. Неужели она всё слышала? Ох, ну конечно же, да! Ей ведь всё ведомо.

И Великий Иглон поспешил заговорить, чтобы скрыть смущение:

– Но почему орели ничего не помнят? Раз Последний не умер, подобно остальным Создателям, его частица, вложенная в нас, не должна была угаснуть.

– А она и не угасала, – сказала амиссия, снова усаживаясь рядом. – Но она тоже не успела еще стать вашей неотъемлемой частью. Поэтому первое поколение Летающих владело Знанием в полном объеме до самого своего ухода. А вот все последующие поколения становились слабее и слабее. И только один род, в котором неизменно рождались семеро сыновей, оставался таким, каким и был задуман Создателем. Ты знаешь, о каком роде я говорю?

– Род Великих Иглонов, – сокрушенно кивнул Донахтир. – Но он прервался! Сыновья Дормата, которые придут, потомства уже не оставят...

Глаза амиссии сощурились.

– С чего ты взял, что род прервался? Неужели с того, что Летающий с титулом Великого Иглона упал в пропасть, а его семеро сыновей на сто лет оказались вдали от Сверкающей Вершины? Но разве не ты только что «заговорил» мыслями? Разве не ты признался мне, что испытываешь ощущение чего-то знакомого, когда пользуешься возможностями, неизвестными другим?

– Что ты хочешь сказать? – вконец растерялся Донахтир.

– Только то, что род Великих Иглонов не прервался. И ты его законный продолжатель!

У Донахтира потемнело в глазах.

– Но, как же тогда Дормат? Его дети?!

– А вот это самая запутанная часть в истории Летающих, – сказала амиссия. – И нам пришлось испытать немало терзаний и сомнений, следуя за её ходом. Но сейчас мне думается, что дело того стоило.

Тебе ведь прекрасно известен порядок передачи власти. Великий Иглон выбирает из числа семи сыновей того, в котором только ему одному видна искра Великого Знания, удаляется с ним в Галерею Памяти и там, открыв, или точнее было бы сказать, напомнив кое-что о возможностях, которыми владеет будущий Правитель, уходит навсегда через Тайный Тоннель. И в тот момент, когда в скале раскрывается проход в Иной мир, мир, который создала вся прожитая жизнь отца, к сыну приходит Великое Знание. Он вдруг начинает чувствовать и видеть Жизнь, слышать голос Земли, и наполняется такой Любовью, какую не каждому дано познать.

С тобой, твоим отцом и дедом все произошло иначе только из-за того, что сто лет назад случилась эта запутанная история. Но к ней я еще вернусь. А пока позволь, наконец, ответить на твой вопрос – почему Великое Знание стало таким тайным.

Нерушимый порядок его передачи сложился в незапамятные времена. Тогда, вне себя от горя, что потомство утрачивает возможности, подаренные Создателем, решили Патриархи Летающих пожалеть своих детей и утаить от них правду об Изначальной Жизни. Они окрыли Тайный Тоннель в Сверкающей Вершине, который уводил в Иной мир, и постепенно ушли сквозь него, горя о своем племени, обреченном на вырождение.

По счастью, век Патриархов был достаточно долгим, чтобы один из них, не веря собственному счастью, сумел распознать в одном из семи сыновей, а затем и в одном из семи внуков искру Великого Знания. Она не разгоралась в полную силу, но и не угасала. Однако, и этого хватило, чтобы вселить в сердце Патриарха надежду. Не желая унижать других превосходством, он долго держал своё открытие в тайне. И только когда и среди семерых правнуков обнаружился Знающий, Патриарх под большим секретом привел этих своих потомков в Тайный Тоннель, где все им рассказал.

Он видел, что и сын, и внук, и правнук изо всех сил хотят оправдать его надежду. Но Знание не разгоралось в них от одних только слов. И тогда старик прошел сквозь Тайный Тоннель, и свет Иного мира вспыхнул в душах его детей, заставив разгореться и Знание.

Воистину, то был знаменательный миг!

А когда он прошел, поклялись трое Знающих оберегать племя орелей, не допускать их до Низовья, и ни в коем случае не раскрывать им правды об Изначальной Жизни, чтобы не давать повода почувствовать себя обездоленными. То же самое решили они и о своей семье, установив раз и навсегда порядок передачи Знания.

В свидетели этой клятвы были призваны мы и сама Сверкающая Вершина. Тогда-то и установилась нерушимая связь между этими горами и вашим племенем. Связь, призванная оберегать Знающего от любого дурного воздействия.

Впоследствии, за мудрость и благородство, род этот был избран Правящим. И с той поры ни один орель ни разу не усомнился в правильности выбора.

Мы тоже радовались, видя такое единство и процветание вашего племени. Но нас всегда огорчало, что Великое Знание превратилось в Великую Тайну. Она лишала Летающих надежды на будущее. Любая роковая случайность с Правящим родом могла нанести непоправимый вред племени, которое ничего не знало о своих истоках.

Не имея права вмешиваться, мы лишь наблюдали со стороны, по мере возможности защищая и оберегая. Но роковая случайность все-таки нашла лазейку. Однажды Великий Иглон, безмерно любящий свою жену, не смог настоять на своем, уступил её уговорам и избрал преемником не того сына, какого следовало.

Мы испытали огромное беспокойство, когда увидели прилетевшего к нам представляться молодого Правителя. Великое Знание не открылось ему в момент ухода отца, а это могло означать только одно из двух: или частица Разума угасла в правящем роду, или власть получил в свои руки обычный Летающий, не защищенный от гордыни ни Любовью, ни Знанием. И подтверждение этому мы получили очень скоро, когда Великий Иглон пожелал нарушить еще одну из установившихся вековых традиций ради своей собственной обычной любви.

Но настоящий ужас вызвали последствия этого желания.

Ты прекрасно знаешь о несчастном Великом Иглоне, упавшем в пропасть, и о его пропавших детях. Нет нужды пересказывать эту историю снова, тем более, что тебе известно о ней много больше, чем любому другому Леающему. Но вот то, чего ты не знаешь – ради продления рода Знающих, мы решились на недопустимое. Это привело к трагедии и к другому недопустимому шагу, когда нам пришлось позволить осудить невиновного. Но этот шаг был вынужденным. Тому, которого осудили, самой Судьбой было определено стать родоначальником нового племени. Крылатого племени, но неспособного летать и жить в горах. И, хотя прародитель и основатель Гнездовища не раз проявлял малодушие и нерешительность, именно от его рода произошел тот, в ком неизбежно возродится Великое Знание. И то, что этот юноша порожден союзом между Бескрылыми и Летающими, вселяет надежду в наши сердца.

Поэтому не горюй о Гнездовище. Оно должно было исчезнуть с этих хребтов, не сейчас, так позже. То поселение было всего лишь колыбелью для растущего народа. Сам посуди, что было бы с ними, когда места над Обвалом перестало хватать...

– Но такое жестокое наказание для Генульфа! Зачем? – воскликнул Донахтир.

– Не суди о деяниях Судьбы лишь по одному событию, – осадила его амиссия. – В цепи Жизни каждое звено неразрывно связано с другим. Еще неизвестно полюбил ли тот изгнанник Бескрылых, если бы с ним обошлись не так сурово.

– Но вы всегда знали, что Генульф невиновен? – спросил Донахтир, которому вдруг пришел на память рассказ Старика из Гнездовища, где упоминалось о том, что амиссия, прилетавшая в пещеру до обвала, была удивлена словами Генульфа о своей невиновности.

– Увы, в той истории не было безвинных, как и не было истинно виновных. Наказанный ведь тоже прилетал к нам. Так что мы не слишком покривили душой, когда указали на него. Кстати, именно тогда открылась и его Судьба, и то, что начало ей уже положено. Волею случая этот Летающий тоже услышал, как Великий Иглон открывал кому-то Тайное Знание. Он скрытно прилетел к нам, чтобы узнать, какими бедами это грозит орелям, но при этом таил

в душе опасное подозрение. Мы почувствовали неминуемый раскол среди Иглонов и, как ты понимаешь, сделали все, чтобы его не допустить. А потом, когда к нам прилетели за разъяснениями, просто указали на того, кто был у нас последним.

– Но в Летописи ясно записано, с ваших, кстати, слов, что прилетающий к вам владел Тайным Знанием, хотя Великим Иглоном не являлся.

Амиссия с досадой отмахнулась.

– И здесь мы не слишком покривили душой. Конечно, простым подслушиванием подлинное Знание не получишь. Но кое-что из ЗАПИСАННЫХ тайн Великих Иглонов он узнал. Например, о том, что мы обязаны защищать и оберегать Знание. Этим и пытался на нас воздействовать. Но, не столько для того, чтобы исправить ситуацию, а чтобы наверняка узнать кому именно открылся Правитель. Эта хитрость не удалась. Мы потому и не различаем лиц, чтобы яснее видеть душу. Радея на словах о благополучии орелей, тот Летающий уже взрастил в себе два опасных злых чувства. Он завидовал тому, кому Великий Иглон открыл Знание и, даже не будучи до конца уверенным, испытывал к нему ясно видимую неприязнь. Поэтому, верные своим обязательствам, мы сделали все возможное, чтобы истребить в нем подозрения, и убрали из памяти всякое напоминание о визите к нам. В грядущем наказании этот Летающий не должен был испытывать чувства вины, чтобы точнее следовать своему предназначению.

Донахтир задумался, пытаясь представить себе тот день, когда его предок Хеоморн прилетел сюда со своей свитой, с братьями, с Генульфом и Гольтфором... Сейчас всё выглядело иначе, чем прежде, но все равно оставалось еще великое множество вопросов. И главный из них никак не давал покоя! Амиссия ведь ясно дала понять, что Дормат не был истинно Знающим с самого начала. Почему же у него родилось семеро сыновей, как у настоящего Великого Иглона?

– Что ж тут непонятного, – немедленно откликнулась прорицательница. – Это были не его дети.

* * *

Старик уже несколько часов разбирал груды камней, откладывая в сторону пригодные для восстановления соседского забора, и искоса поглядывал на Тористина. Тот с самого утра не проронил ни слова. Едва выбравшись из гнездовины, в которой провел явно бессонную ночь, орель только низко поклонился Старику и сразу же принялся за работу. Старик хотел ему помочь, но Тористин с преувеличенной учтивостью заметил, что Иглому не следует помогать простому подданному. С трудом скрывая усмешку, Старик важно заметил, что, пожалуй, это правильно, и отошел.

Его забавляло то, что происходило с Тористином. Из рассказов отца Старик помнил, что почитание Иглонов и полное доверие их мудрости было у орелей нерушимой нормой жизни. А уж дети Дормата вообще стояли особняком из-за своей горькой судьбы, и, более всего, из-за того, что были последними в роду истинных Иглонов. Словно монолит, завершающий многолетнюю безмятежную историю орелей, возвышалась память о них надо всеми прочими в окружении облаков тайны и сочувствия. Но сейчас для Тористина в этом вековом монолите образовалась, кажется, солидная трещина, которую Старик с видимым удовольствием пытался расширить и углубить. «Странно, – думал он, наблюдая с каким остервенением обтесывает камни вчерашний бунтовщик, – мне нравится неприязнь, растущая в этом ореле. Он не хочет видеть меня Правителем, и это хорошо, потому что причина тому может быть только одна – Тористин любит нынешних Иглонов и, значит, они того стоят. Что ж, пусть! Для чего бы Судьба ни собирала нас с братьями на Сверкающей Вершине, одно я знаю точно – править там мы не должны и не будем!»

Старику почему-то казалось, что для Гнездовища все сложится не так уж и безнадежно, если они с братьями откажутся от власти. Откуда взялась такая уверенность, он и сам не мог сказать, но объяснение своим мыслям нашел самое простое – не может его жизнь затянуться настолько ради дела, которое он делать не умеет и не хочет. Все свои долгие годы несостоявшийся Иглон отдал Гнездовищу. В этом он видел и смысл, и цель своего существования. Разве возможно, чтобы, управляя блистательным орелинским городом, Старик так же болел за него душой, как болел он за свое крошечное поселение? Нет, конечно же! А, раз так, то незачем и начинать. И, если ничего кроме власти им на Сверкающей Вершине не уготовано, то этим он с легкостью поступится, а остаток жизни готов посвятить поискам жителей Гнездовища и их возвращению домой. Ведь не пропали же они бесследно, в самом деле!.

О желаниях братьев Старик старался не задумываться. Хотя, если рассуждать здраво, зачем им власть в их преклонном возрасте, да еще в таком месте? За сто лет каждый несомненно состоялся, как личность и обрел, (Старик очень на это надеялся), достаточно мудрости, чтобы понимать несостоятельность притязаний, которые им навязывало происхождение. Ну, какие из них Иглоны?! Достаточно вспомнить старейшину кочевников. Тот был уже зрелым мужчиной, но, как Правитель, не шел ни в какое сравнение с молодым Донахтиром, хотя и управлял своим народом достаточно разумно. Нет, как бы там ни было, но на Сверкающей Вершине им должно быть уготовано что угодно, только не власть!

Старик снова задумался о братьях. Последнее время он делал это все чаще. Однако, воображения хватало только на то, чтобы мысленно размножить образ старца, являвшегося во снах, и нарядить его в одежды кочевников, смутным воспоминанием осевшие где-то в уголках памяти. И почему-то все время в голове всплывал рассказ Рофаны... Однажды, еще когда все звали его Фостином, Старик подслушал, как мать смеясь говорила невесткам о тех временах, когда она ожидала появления на свет очередного малыша. Тогда она тоже никак не могла вообразить, каким он будет. Зато стоило малышу появиться, он оказывался именно таким, каким нужно, и никого другого на его месте уже невозможно было представить. Вот и Старик, думая о братьях, все время убеждал себя в том, что они уже есть такие, какие есть, других ему не выдумать, и остается надеяться только на то, что при встрече родная кровь скажет им, что только такими они и могли стать.

Иногда, правда, он немного завидовал остальным. Если верить предчувствиям, то пятеро из братьев уже вместе, уже успели узнать друг друга и, может быть, даже подружились... Что ж, это правильно – все они жили на земле, и им есть о чем поговорить и что вспомнить. Седьмого брата, того который остался у амиссий, каждый мог видеть во сне, а, стало быть, имеет о нем хоть какое-то представление. Но как все они воспримут его, Старика? Не покажется ли он им особенно чужим из-за того, что вел жизнь, непохожую ни на какую другую?

Старику вдруг сделалось ужасно одиноко. Пожалуй, изо всех живущих в этих горах и на земле единственным родным и близким для него оставался только Нафин...

Интересно, каким он стал...

Но, пытаясь вызвать в памяти образ юноши, Старик видел только упрямого мальчишку со связанными крыльями, и понимал, что здесь его воображение тоже бессильно. Мальчик наверняка изменился – повзрослел, возмужал, и пытаться представить нового Нафина, то же самое, что воображать себе братьев, которых никогда не видел.

Старик досадливо крякнул и покачал головой. Лучше не думать ни о чем таком – не расстраивать себя. У него достаточно и других тем для размышлений. Вот, к примеру, Тористин с его неприязнью. Ведь как забавно все складывается – почти сто лет на Сверкающей Вершине сокрушались о пропавших младенцах, а теперь, когда выясняется, что младенцы выжили и готовы вернуться, как законные правители, их запросто могут встретить с холодным отчуждением.

«Пускай, пускай, – усмехался про себя Старик. – Радостно видеть, что орели не тупое стадо, бредущее за всяким, кто назовется Иглоном. Буду и дальше держаться высокомерно – пусть Тористин до конца прочувствует, что им может грозить. А там, глядишь, и остальным объяснит. Дар убеждения у него, видимо есть, раз притащил за собой столько добровольцев, готовых разгромить Гнездовище. Вот пусть и заглаживает свою вину перед Великим Иглоном. А если мои братья заупрямятся и будут настаивать на своем праве, то тут и я вмешаюсь. Ведь у меня перед Донахтиром тоже кое-какой должок имеется».

Старик вспомнил, как тяжело признавался молодой Правитель в том, ЧТО скрыто в тайном тоннеле. Мальчику, конечно, нелегко было говорить о таком... Зато Старику почему-то стало легче. Пугающая неизвестность обрела конкретные черты, получила имя и перестала быть такой уж страшной. Наверняка ему вместе с братьями придется войти в тот тоннель, чтобы получить Тайное Знание. Но, предупрежденный сам, Старик подготовит братьев, и неизбежная встреча не повергнет их в ужас. Так что, спасибо Донахтиру за то, что нашел в себе силы рассказать о призраке, о котором имел полное право умолчать...

* * *

Ближе к вечеру прилетели орели, присланные со Сверкающей Вершины. Те самые, которые пять дней назад громили Гнездовище вместе с Тористином. Старик ужасно им обрадовался. Сказать по правде, враждебное молчание уже начало его угнетать, несмотря на многолетнюю привычку к одиночеству. Но, одно дело, когда ты предоставлен сам себе, и совсем другое, когда рядом постоянно находится кто-то, от кого так и веет отчуждением.

Прилетевшие орели принесли с собой Серебряную Воду и кое-какие новости.

Тористин, обрадовавшийся не меньше Старика, быстро сник, едва узнал, что от Верхнего Города почти ничего не осталось. Ореля совершенно сломило то, что все считают главной причиной катастрофы его ужасный поступок, и только новость о чудесном выздоровлении Великого Иглона немного вернула Тористину присутствие духа.

Старик, на которого посматривали виновато и смущенно, тоже особенно интересовался Донахтиром. Его очень озадачило, что Правитель первым делом отправился с Летописцем в Галерею Памяти, а оттуда, совсем один, напрямик полетел к амиссиям. Объяснения орелей, что Великий Иглон искал в Летописи описание катастроф, схожих с той, что произошла в Верхнем Городе, Старика не убедили. Почему-то он был убежден, что все перемещения Донахтира связаны с ним, с его братьями и их будущим. И, возможно, следующий визит Великого Иглона будет сюда, в Гнездовище...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.